

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Виталий ХОНИХОВЕВ

СИНДЗИ-КУН

И ЕГО ПОПЫТКА
ПРОЖИТЬ ОБЫЧНУЮ ЖИЗНЬ

Я никогда не отступаю!

Современный фантастический боевик (АСТ)

Виталий Хонихоев

**Синдзи-кун и его попытка
прожить обычную жизнь**

«Издательство АСТ»

2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 4(2Рос=Рус)6-445

Хонихоев В.

Синдзи-кун и его попытка прожить обычную жизнь /
В. Хонихоев — «Издательство АСТ», 2024 — (Современный
фантастический боевик (АСТ))

ISBN 978-5-17-152823-2

Да, попаданец. В обычного японского школьника. В иной мир, так похожий на наш, только в этом мире есть люди со сверхспособностями, этот мир отличается от нашего. Возможно, чуть-чуть, а может, и сильно. Именно здесь и предстоит Синдзи, как оказалось, не такому уж и обычному школьнику, прожить свою жизнь. Обрести друзей и семью. Нажить кровных врагов. Пережить обидные поражения. Одержать победы.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 4(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-152823-2

© Хонихоев В., 2024
© Издательство АСТ, 2024

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	20
Глава 4	29
Глава 5	34
Глава Б	41
Глава 7	48
Глава 8	55
Глава 9	62
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Виталий Хонихоев
Синдзи-кун и его попытка
прожить обычную жизнь

Серия «Современный фантастический боевик»
Выпуск 265

Ленинград
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

© Виталий Хонихоев, 2024

© ООО «Издательство АСТ», 2024

Глава 1

Адмирал Ямамото не погиб от атаки «лайтингов» 339-й эскадрильи утром 18 апреля 1943 года. Он благополучно закончил войну в чине адмирала и прожил еще долгих двадцать лет в окружении жены и детей, как и полагается патриарху, национальному герою и основателю школы «Божественного кулака». А вот Уинстон Черчилль так и не произнес свою речь в палате парламента и даже не был премьер-министром, Иосиф Сталин проиграл гонку за престол и даже не Льву Троцкому, а какому-то незаметному заместителю наркома обороны Федору Липину. Какой-то Липин! И это только несколько фактов, отличающих этот мир от моего.

Да, после некоторого времени, потребовавшегося мне, чтобы осознать факт своей смерти и последующего воскрешения, я понял, что этот мир не мой родной. Помимо того факта, что я воскрес в теле худощавого мальчишки шестнадцати лет от роду, немало проблем доставил тот факт, что этот самый мальчишка – японец. Да, более того, живет в Японии и всегда в ней жил. Бонусом я получил память и навыки своего нового тела, да, знаю японский, все эти хираганы и кадзю, знаю, как употреблять суффикс – сан и на какой угол нужно наклониться в присутствии старшего, но не родственника и не начальника по учебе или работе, и прочие полезности, позволяющие не выделяться на общем фоне. Так что вопросов типа «А что это такое случилось с Синдзи-куном, что он даже палочки в руках держать разучился?» – не было.

И не то чтобы эти вопросы было кому задавать, все-таки Синдзи-кун, в теле которого я и пребываю в настоящее время, не был никому особо интересен. У него нет отца и, насколько я могу заглянуть в его (этого тела) память, никогда и не было. Есть какие-то родственники со стороны мамы, воспоминания рисуют высокого и худощавого мужчину в возрасте с поджатыми губами. Он смотрит на Синдзи-куна и его маму, как Ленин на буржуазию и как солдат на вошь. Не очень благодушно, скажем так. С пренебрежением смотрит. Даже презрительно. Смотрит и ничего не делает.

Мама Синдзи-куна лежит у него в ногах в догэдза – позе глубокого раскаяния, уперевшись лбом в татами, ее черные волосы рассыпались по плечам и полу. Сам Синдзи-кун тоже сидит рядом с мамой в догэдза, но он ребенок, и ему становится скучно, и он на секунду поднимает взгляд, как раз достаточно для того, чтобы поймать это выражение презрения и пренебрежения на лице мужчины. Кто этот мужчина и почему эта сцена выглядит словно клише из дешевых фильмов категории «Б» про якудзу, я не знаю. В памяти Синдзи-куна тоже ответа нет.

Зато есть память о прибрежном городе, улочках, залитых солнцем, восторге, когда катишься по этим улочкам на старом, с облупившейся синей краской и разбитым катафотом, велосипеде, о вкусе мороженого, купленного у толстого продавца возле фиолетовой тележки с надписью «Кока-кола», есть память о друге детства – рыжем мальчугане с веснушками по всему лицу и подруге – смешливой девчонке с черными косами, о доме, где всегда вкусно пахло хлебом – мама Синдзи-куна выпекала хлеб сама, по какому-то семейному рецепту, и с утра в доме всегда был свежий хлеб, с кусочком которого, намазанного ореховой пастой или медом, Синдзи-кун вприпрыжку бежал в школу.

Школа, часы, которые издавали свой «динь-дон-динь», оповещая, что он опаздывает и надо прибавить шаг, одноклассники, которых он помнил и даже испытывал к ним теплые чувства, никто не дразнился, не обижал Синдзи-куна, класс был дружный, а учительницу, Мацудасан, пожилую женщину в строгом сером костюме с доброй улыбкой – все уважали и слушались. Хорошее детство, да.

До того момента, пока мама не заболела. Память Синдзи-куна начинала сбивать и рваться на части, словно старая киноплёнка в отжившем свое проекторе. И цвет. Все стало черно-белым. Хотя нет, белого цвета почти не было. Белым был больничный халат. И мамино лицо на подушке. И кончики ногтей самого Синдзи-куна, когда он стискивал кулаки. Все осталь-

ное было черным. Или серым. Лица врачей. Костюм, который ему пришлось надеть. Гроб. Церемония погребения. Алтарь, перед которым курились палочки благовоний, а за ними, с черно-белой фотографии улыбалась мама. И маленькая черная ленточка, перечеркивающая угол фотографии.

Здесь память Синдзи-куна обрывалась и долгое время ничего не показывала. словно бы ничего и не было. До того момента, пока в памяти не всплывала Нанасэ-нэсан. Сестренка Нанасэ. Старшая сестренка – тут она была непреклонна. Сестренка Нанасэ не была сестрой Синдзи-куна, не была его тетей или кузиной, насколько Синдзи-кун понимал, они вообще не были родственниками. Тем не менее Нанасэ-нэсан развила бурную деятельность, суть которой ускользала от самого Синдзи-куна, но в результате они переехали в другой город. Покрупнее. Дальше от океана. С самым настоящим метро и небоскребами, с огромными торговыми центрами и миллионами автомобилей на улицах утром и вечером. Днем улицы пустели, но вечером потоки автомобилей, гудки клаксонов и завывающие сирены то ли полиции, то ли «скорой помощи» были привычной музыкой для ушей.

И вот тут-то и угораздило Синдзи-куна шагнуть на дорогу не оглядевшись по сторонам. В больнице очнулся уже я, с дикой головной болью и тем, что обычно называют синдромом ложных воспоминаний.

Кто я теперь – человек из параллельного мира, где адмирал Ямамото погиб под крупнокалиберными «браунингами» 339-й эскадрильи, утром 18 апреля 1943 года, впитавший, поглотивший память и жизнь Синдзи-куна, или сплав этих двух личностей – обычного японского школьника и обычного попаданца? Кто знает. Этим вопросом я страдал в течение трех дней, что лежал в больнице, и заплаканная Нанасэ-нэсан приносила мне фрукты в палату, вырезая из кусочков яблок фигурки кроликов и рассказывая смешные истории про животных и духов. Сама она, кстати, в духов верила. И в магию верила тоже.

Да и как не верить, если в этом мире магия есть. Вернее, не совсем магия, здесь это называют «концентрация ки» – жизненной энергии. Но как бы это ни называлось, в здешних журналах и газетах есть фотографии того, как человек одной рукой переворачивает бульдозер, как от девушки с симпатичным лицом и почему-то зелеными волосами рикошетят пули.

По телевизору, установленному в палате, периодически показывают документальный сериал «Самураи Старого Токио» – и там творится просто трэш. Традиционными японскими мечами режут небоскребы, отражают бомбовый удар американской армии, какой-то из семерки этих вот самураев призывает натурального Годзиллу для атаки на авианосец и прочие чудеса из гонконгских фильмов начала восьмидесятых.

Этот мир был другим – где-то в мелочах, вроде изменения цвета знакомого логотипа (да, «Кока-кола» тут облюбовала ярко-фиолетовый цвет!), а где-то и по-крупному – вроде сдвоенной вершины Фудзи и названия – горы-близнецы Фудзи. Хотя, что есть крупное изменение, а что мелкое – не мне судить. У Рэя Брэдбери (кстати, вот кого в этом мире не было никогда) был рассказ про бабочку, изменившую мир... где и как этот мир разошелся дорогой с моим и почему какие-то вещи остались неизменными, ответов на эти вопросы я не знаю.

– Ямасита-кун! – раздается голос, и я подпрыгиваю на стуле. Да, мы все еще сидим в школе, и все еще идет урок истории, а с доски на меня смотрит огромный портрет Исо-року Ямамото, генералиссимуса флота Объединённой Японской Империи и патриарха школы «Божественного Кулака», который выжил в апреле сорок третьего, чтобы одним точным ударом разгромить врагов страны в решающем сражении при Мидуэе, и война была окончена перемирием в сорок пятом. Да, никакой ядерной бомбы над Хиросимой. Сзади хихикают – опять этот тормоз Синдзи-кун на уроке воровьев считает.

– Сатоми-сан! – вскакиваю и кланяюсь. Япония. Как тут без поклона – «этот никчемный снова умудрился заснуть на уроке истории великолепной Сатоми-сан, приношу свои искрен-

ние извинения и готов искупить свою вину и смыть позор перед предками... любим приемлемым способом». Вот.

– Опять спишь на уроке, Ямасита-кун, – говорит Сатоми-сан, смягчаясь. – Повтори, что я только что сказала?

Я послушно повторяю материал учебника, отпечатавшийся в моей памяти. Сатоми-сан кивает, усаживает меня на место и продолжает урок, время от времени прерываясь, чтобы поднять очередного «счастливчика» и проверить усвоение гранита науки.

Звенит звонок, вернее школьные часы выдают свое «динь-донн-динь», и после того, как мы всем классом встаем и дружно кланяемся своему сенсею – домо аригато, годзаримашта! – класс разлетается по коридорам на большую перемену. Ко мне подсаживается Цудзи и небрежно толкает в плечо, за ним стоит его верный приспешник Акаи, низкорослый парень с веснушками по всему лицу.

– Эй, тормознутый! – говорит Цудзи, наваливаясь на мое плечо. – Сгоняй-ка нам с парнями за напитками к автоматам. Мне возьми газировку с вишневым вкусом, две штуки.

– А я буду колу, – кивает Акаи, – по дороге в столовой еще булочек с якисобой возьми.

– Точно. Якисоба. – Цудзи треплет меня по волосам. – Давай, не тормози, перемена не вечная. – И смеется. Я смотрю на них и невольно вздыхаю. Эти двое не дают покоя Синдзи-куну уже довольно давно.

С самого момента переезда в большой город – тогда Синдзи-кун был раздавлен смертью матери и переменой места жительства, новой школой, новыми людьми, да и вообще говоря, он никогда не был душой компании или просто общительным парнем. Он был тряпка. Еще и раздавленная тряпка. Прямо-таки подарок для школьных хулиганов, такой идеальный объект для травли, или как это по-современному – буллинга.

– Цудзи-кун, – говорю я, вставая и убирая его руку со своего плеча, – мне неприятно это говорить, но мы с тобой не друзья. Поэтому предлагаю вам самим сходить за напитками и якисобой.

Все-таки мне начинать первый свой день в школе с потасовки, да еще и с детьми... пусть даже у меня самого такое же тело. Но жизненный опыт, воля, умение разрешать конфликты и наработанный стиль ораторского мастерства должны позволить мне объяснить все сразу и как следует. Так сказать, решить все мирным путем. Да. Наверное.

– Что?! – глаза у Цудзи налились кровью и выпучились. – Что ты сказал, угребок?!

– Я... – начал было я повторять, но в этот момент словно грузовик въехал мне в голову. А точнее – в ухо. Бамц! В голове потемнело, в ушах стоял звон. Цудзи раскрывал рот, а я смотрел на него снизу вверх. Почему? Потому что я сидел на полу.

– ...ты че, охренел, огрызок тормознутый?! – шипел сверху Цудзи, а я только начинал понимать, что произошло. Он ударил меня в ухо. Тело мелкого Синдзи-куна не привыкло к такому обращению и село на задницу, словив нокдаун. Я потряс головой – аккуратно, чтобы не встряхнуть еще раз, схватился за парту и встал. Ноги не держали, тряслись, в ушах стоял звон, во рту медный привкус, сердце колотилось, норовя выскочить из груди.

Весь мир стал каким-то далеким и отстраненным. Так, подумал я, это мы уже проходили, знаю, что со мной происходит, это просто сенсорный шок, адреналин и прочие гормоны «бей или беги», надо взять себя в руки, я сто раз бывал в такой ситуации, это просто тело у меня неопытное, тело малолетнего говнюка, нет, неверно, не надо так про Синдзи-куна, у него было тяжелое детство и отсутствие отца в воспитании, вот и вырос – как вырос. Важнее решить – что сейчас делать. Черт. Массаракш. К сожалению, нельзя не ответить на такой выпад. Мне придется довести дело до конца – иначе дальше будет только хуже. Пусть мое нынешнее тело и не создано для боя, более того, даже не тренировано в достаточной степени – все равно придется наводить порядок в нынешней табели о рангах. Я выдохнул.

– Только исподтишка бить умеешь? – мой вопрос заставил Цудзи задохнуться своими словами.

– Может быть, выйдем, разберемся? – продолжил я, кивнув в сторону двери. – Пока большая перемена.

Вызов на ритуальный поединок Цудзи проигнорировать не мог. Никак не мог. Одно дело раздавать тумачи и подзатыльники стоящим на низшей ступени школьной иерархии, и совершенно другое – уклониться от вызова. Да, он мог бы просто навалиться на меня в классе и отмудохать вместе со своим дружкой Акаи, да еще кого-нибудь из своей свиты позвать.

Но это был бы конец его карьеры как самого важного альфы в классе. Нет, он обязан был не просто принять вызов, а еще и сделать все, чтобы поединок прошел как можно более честно, показывая, что он тут все еще самый крутой. Биться с парией – то еще удовольствие. Победишь – ну так никто другого и не ожидал. Проиграешь – проиграешь вдвойне, проиграл такому рохле. Никакого профита, одно расстройство.

– Ты в своем уме, тормозила? – Цудзи усмехается, глядя мне в глаза. – На твои похороны я денег собирать не буду. Тебя там во дворе и закопают.

– То есть ты отказываешься? Боишься? – завершаю я разговор окончательным аргументом. Как там писали на пушках – «последний довод королей»? Это вот последний довод пацанвы во все времена – «че, струсил?». Простой как три копейки и надежный как кувалда.

– Хм. Да, конечно. Пошли. Надеру тебе задницу так, что ты будешь своей маме-шлюхе жаловаться, зачем она тебя такого родила... – фыркает Цудзи и отходит в сторону, делая приглашающий жест рукой. Дескать – прошу, добро пожаловать на свои похороны. Но эти детские приколы хорошо работают с детьми и против детей. Я киваю головой – вежливо, так, словно бы ждал такого жеста от швейцара, и следую за движением.

В дверь классной комнаты. В коридор, по ступенькам и на школьный двор. Потом за угол, туда, где стоит небольшое помещение то ли кладовки, то ли склада спортивного инвентаря. Именно там собираются и курят старшеклассники, подальше от бдительных глаз дежурных и учителей, именно там и происходят разборки и драки. Да, ритуальный поединок.

Я шел, ускоряя шаг, чувствуя спиной, как за мной торопится Цудзи с его приспешниками. Из-за его жеста, которым он пытался показать свое превосходство, я перехватил инициативу, и сейчас все выглядело так, словно бы это я шел к месту поединка, а он торопился вслед за мной. Впрочем, это все, конечно, будет неважно, если я проиграю этот поединок. Неважно, кто и как шел, кто кому первый, что сказал и как дерзко ты смотрел в глаза противнику, если ты проиграл.

Свято место пусто не бывает. Едва завернув за угол, я увидел нескольких старшеклассников, стоящих возле кладовки. Подвернутые рукава, длинные чубы, сигареты в зубах, растянутые чуть ли не до пупа рубашки.

– Э, малые, чего надо? – спрашивает один из них, самый патлатый, с крашеным белым чубом, картинно сплевывая на землю. Плевков получается стремительным и точным.

– Драться будем, – оповещаю его я.

– О как. Здорово. Тогда и мы поглядим, – говорит он и поворачивается к своим: – Смотрите, малые шас будут махач устраивать.

– Класс, че... – откликаются его дружки и изображают заинтересованность.

Я поворачиваюсь назад и вижу Цудзи и его свиту – Акаи, Нобу и Такаши. Кроме них сюда прибежали еще несколько одноклассников и даже несколько девочек – видимо, в расчете на шоу. Среди девчонок неожиданно вижу и Юки, или Снежную Королеву нашего класса со своей свитой – двумя близняшками, Аей и Мико. Цудзи неожиданно бледен и нерешителен, непонятно с какой стати, мандражирует перед боем? Глупости, не может же он всерьез воспринимать Синдзи-куна, вечного хлюпика и неумеху.

– Так! – старшекласник хлопает в ладоши и улыбается зубастой улыбкой, не выпуская сигарету изо рта: – У нас сегодня событие! Кто драться-то будет? А, ты, значит... и ты... ясно. Значит, сегодня на Токио-арене состоится великий бой! Ботаник-кун против Толстожопого. Я здесь прослежу, чтобы все было по правилам, честно и без грязных трюков. Значит так, никаких ударов по яйцам, откусывания ушей или добивания лежащего. Я хочу видеть честный бой! – он разводит руки, явно подражая спортивному рефери в боях без правил.

– погоди, Акира, – говорит один из его дружков, длинный и нелепый словно жердь, – а разве не надо у них спросить, готовы ли они помириться и все такое? Это же дуэль. Как в «Семи самураях Токийской битвы».

– Вот еще, – мотает головой патлатый, – во-первых, это будет неинтересно, а во-вторых, они все равно пришли драться. Кстати, принимаю ставки и ставлю сам на Толстожопого. Должен уделать Ботаника в первом раунде.

– Как интересно, – я смотрю на Цудзи и понимаю, что тот сдурял не потому, что испугался меня, моего изменившегося поведения или поединка. Он струхнул, нарвавшись на трою отшельников нашей школы.

Хрен их знает, почему они решили себя так называть, но в нашей школьной табели о рангах эта тройка занимала почетное место где-то на Олимпе. Про них много чего говорили, но видеть их вживую Синдзи-куну не пришлось. Или пришлось, но он, конечно, был слишком занят, бегая за газировкой для Цудзи и его дружков. Попасться лишний раз им на глаза было чревато даже для Цудзи. Может быть даже – особенно для Цудзи.

Такие, как я, трою не интересовали и интересоваться не могли, а вот наглые ребята вроде Цудзи вполне могли получить порцию заслуженного внимания со всеми вытекающими. Поэтому мой школьный «друг» сразу же прижал хвост и изобразил позу покорности, как и полагается при виде более альфистого альфы.

– И че, долго мы ждать будем? – лениво протянул третий, погасив сигарету о стену кладовки. – Когда мордобой начнется?

– Да сейчас, – оскалился Цудзи, неторопливо снимая пиджак и закатывая рукава, – сейчас я тут кое-кому его место укажу. Это недолго, уж извините нас, Акира-сан, но есть у нас в классе один дурачок... которому неймется.

– Хе. Хорошо сказано... – патлатый Акира качнул головой. – Давайте начинать.

– Я готов, – я уже снял пиджак и тоже закатал рукава – жест не сильно нужный, однако символичный, а пренебрегать символами в ритуальном поединке чревато непониманием со стороны публики. Пиджак я передал в руки одной из близняшек в свите Снежной Королевы – просто ткнул его ей в руки и все. Если бы я подошел с просьбой «подержи мой пиджак», мне бы даже не ответили, просто фыркнули бы и нос задрали, а так, она и сообразить ничего не успела, как держит его у себя в руках, а врожденная японская аккуратность и чувство долга не дает ей бросить его на землю. Потом, вероятно, его в меня кинут и обзовут, но это потом, а пока одна из близняшек (и я до сих пор не научился их различать) держит мой пиджак.

– Отлично! И так! – патлатый Акира поднял руку, поочередно оглядел меня и Цудзи и резко опустил ее вниз. – Начали!

Как только слово прозвучало, Цудзи бросился ко мне. Он был массивнее меня, имел какой-никакой опыт в драках и, говорят, даже ходил в секцию дзюдо. Разумным выбором было бы отступить с линии атаки и попробовать зайти сбоку. Но я уже немного устал от всего этого детского сада и хотел завершить все как можно скорей. Кроме того, тело Синдзи-куна было неподготовлено к длительному поединку, нет, не так – Синдзи-кун выдохся бы на второй минуте. А потому затягивать процесс – не наш выбор. Я не стал отступать ни назад, ни в сторону. Я сделал подшаг вперед. Джэб. Я уже понял, что нынешнее тело не было выносливым или физически развитым, но координация и навыки, которые я вырабатывал всю прошлую

жизнь, все еще были со мной. Не полностью, но насколько это вообще было возможно в этом неуклюжем подростковом теле.

Поэтому – джэб. Хороший джэб – словно электрон в современной физике – не столько частица, сколько волна. Это мгновенный, хлесткий и практически невидимый обычным глазом удар. Этим ударом нельзя разбивать кирпичи или дробить стены, он не может откинуть человека назад или свалить на землю. Этот удар-волна предназначен для разведки и остановки атаки противника – и то и другое одновременно. Боксер может закрыть глаза и прошупать пространство впереди с помощью джэбов – джэб, джэб, джэб... и как только перчатка соприкасается с противником – мощный кросс правой или хук. А еще джэб легко останавливает бегущего на тебя противника, слегка встряхивая ему голову.

В этой Японии не было западной оккупации, не было засилья западных фильмов и культуры, зато был подъем патриотизма и национального самосознания, как результат популярностью пользовались местные единоборства – каратэ, кемпо, дзюдо и так далее. Более того, никто даже не называл это каратэ или дзюдо – это были названия для гайдзинов. Вместо каратэ были многочисленные школы от Киокушинкай и Кудокана до «Божественного Кулака» и «Золотого Феникса».

Как итог – мой одноклассник не удосужился прикрыть голову или прибрать челюсть, двинулся вперед с высоко поднятой головой и раскинутыми в стороны руками, видимо собираясь провести бросок или просто схватить меня и повалить на землю. Даже с моими невеликими силами джэб встряхнул ему голову и заставил остановиться. Это даже не нокдаун и уж тем более не нокаут.

Легкая встряска головного мозга, не приводящая к потере сознания или падению, просто заставляющая приостановиться, чтобы взять окружающее под контроль. Любой человек, которому хоть раз в жизни попадало по голове, знает это ощущение легкого ступора, попытки осознания ситуации, слабости в коленях.

Секунда, доля секунды – и этот эффект пройдет бесследно, человек выпрямится и продолжит атаку, и именно поэтому нельзя давать противнику опомниться после джэба. Рука в джэбе напоминает змею, индийскую кобру в броске, легкий толчок идет от бедра, вся сила всегда идет от бедра, от ног, продолжается небольшим разворотом корпуса, выпрямлением руки и заканчивается – словно удар кончиком хлыста – доворотом кулака. Щелк! Щелк! Щелк! – один за другим мои слабые джэбы взбалтывали голову Цудзи, словно желток в яйце всмятку.

Парадокс, но человек, которому быстро стучат в голову, словно бы теряется во времени, процессор не успевает переварить информацию, он вынужден загружаться снова и снова, но удары мешают, прерывают процесс восстановления. Три быстрых, хлестких джэба остановили Цудзи на какую-то долю секунды, и как только это произошло, я зарядил прямой правый прямо ему в челюсть. Тунц! В правой руке что-то хрустнуло, и Цудзи рухнул на землю, закатив глаза.

– Черт! – сказал я, баюкая правую руку. Надеюсь, не сломал, косточки у Синдзи-куна слабые, с него станется.

– Ого! – сказал кто-то совсем рядом. Патлатый Акира, один из троицы «отшельников». – Круто. Я такого ни разу не видел.

– Что? Да не может быть! Он мошенничал! – Акаи дернулся ко мне, явно с нехорошими намерениями, и я поднял руки, готовясь встретить атаку, но патлатый положил руку ему на плечо и покачал головой.

– Все было честно, мелкий, не надо бучу поднимать. Мы все видели. Вон, Изаму и Горо видели все. Верно, парни?

Его дружки кивают, и Акаи словно бы сдувается, становясь заметно меньше.

– Но как это? – говорит он сам себе.

Цудзи-кун начинает ворочаться на земле, открывает глаза и обводит окружающих недоуменным взглядом.

– О, живой, – чему-то радуется патлатый Акира. – Встать можешь? – он протягивает руку, поднимает Цудзи с земли, деловито похлопывает, отряхивая от пыли, трогает ему лицо, словно что-то проверяя. Цудзи морщится от боли, но ничего не говорит, растерянно хлопая глазами.

– Нормально все. Даже перелома нет, – констатирует Акира. – Ну и хорошо. Значит, победил Ботаник-кун, а Толстожопый проиграл в честном бою. Хорошо, я не стал на самом деле ставки принимать... – он обводит собравшихся взглядом и нахмуривается: – Ну все, цирк окончен, что смотрите, бегом отсюда, скоро перемена закончится.

Народ начинает расходиться, и я только сейчас понимаю, что рядом с кладовкой собрался почти весь наш класс и даже кое-кто из параллельных.

– Ботаник-кун! – говорит Акира, едва я делаю шаг к свите Снежной Королевы – близняшки смотрят на меня с округленными глазами, Ая (или Мико – никак не могу их различить) держит в руках мой пиджак и кусает губу в нерешительности. – Эй, Ботаник-кун!

– Акира-сан? – я поворачиваюсь к патлатому и обозначаю легкий поклон. Он хохочет. Ему явно плевать на градус угла спины при поклоне и уважительный суффикс.

– Ботаник-кун, а тебя я бы попросил остаться. Ты интересный малый, и у меня к тебе есть пара вопросов. – Он жмурится, словно кот на солнце. – Ты интересен, и у меня к тебе есть пара вопросов. – Он жмурится, словно кот на солнце. – Ты интересен, и у меня к тебе есть пара вопросов.

Я задумываюсь. Моя задача в этом мире, в этой новой реальности предельно проста – я хочу прожить спокойную и счастливую жизнь, наслаждаясь всем, что она может мне предоставить.

Да, закончить школу, поступить в институт, найти девушку своей мечты, или хотя бы спокойную и тихую Ямато Надешико и даже сделать парочку детей, завести кота и золотых рыбок, умереть в окружении внуков в преклонном возрасте и переродиться в слизь. Или в паука. В общем – получить от этого перерождения весь комфорт и уют современного мира. Значит, мне желательно интегрироваться в социальную жизнь. Завести друзей и знакомых, приятелей и любимых, а у Синдзи-куна с социальной жизнью были большие проблемы. Отказать в общении Акире из троицы «отшельников» может только самоубийца, эти ребята считаются сильнейшими в нашей школе, и репутация у них так себе. С другой стороны, пока все было достаточно дружелюбно, а если они вдруг захотят меня отмудохать, то наверняка отмудохают – я чувствовал, что тело Синдзи-куна практически исчерпало свой лимит.

– Да, конечно, Акира-сан, – кивнул я, – только пиджак заберу. – Я повернулся к Ае (или Мико) и, поклонившись (ох уж эта Япония), произнес: – Благодарю за то, что позаботились обо мне.

– А-а... да. Вот – пиджак, Синдзи-кун. – Близняшка торопливо протянула мне мой пиджак, одновременно кланяясь. И как они умудряются все это вот проделывать? У европейца обязательно бы спину заклинило, а этим хоть бы хны...

– Спасибо. – Принимаю пиджак и накидываю его на плечи – правая рука начинает саднить и просовывать ее в рукав сейчас не к месту и времени.

– Это было... интересно, Синдзи-кун, – говорит мне вторая близняшка, и они кланяются мне уже синхронно. Юки Онно, или Снежная Королева девичьего прайда нашего класса тоже изображает поклон, но едва-едва, буквально только глазами обозначив его.

– Не думаю, что тебе надо оставаться тут, – говорит она, даже не взглянув на патлатого и его компанию, – Синдзи-кун. Уже скоро звонок.

– Спасибо за вашу заботу, Онио-сан, – говорю я, – это не займет много времени.

Она поджимает губы и удаляется вместе со своей свитой. Близняшки семят за ней, словно китайские мандарины за императором Шин Хуанди. Я поворачиваюсь к троице «отшельников». Они стоят все на тех же местах – патлатый Акира, худощавый Изаму и здоровяк Горо. Сигареты потушены, руки в карманах, небрежно оперевшись кто о забор, кто на стену кладовой.

– И что это было, Ботаник-кун? – спрашивает Акира. – Что это за техника такая? Ты не похож на бойца, у тебя нетренированное тело, да и удары эти... – он качает головой. – Это не тцуки, здесь что-то другое. Китайское кунг-фу? Школа обезьяны?

– Нет. Это не кунг-фу. Это из бокса. Джэб, – говорю я. Скрывать нет смысла, техника джэба на вид простейшая. Вот научиться ее выполнять правильно – на это могут уйти годы. Джэб – это волна, которую надо научиться чувствовать, посылать ее, начинать движение с ног, с кончиков пальцев, бедер, плеча, разгиба руки и в конечном счете – доворота кулака. И научившись делать это волной, по очереди – научиться делать это все одновременно, так, чтобы твой кулак двигался, словно язык змеи, преодолевая расстояние до противника менее чем за одну двадцать четвертую секунды. В этот момент кулак испытывает перегрузки до 10 g – должен испытывать.

Одна двадцать четвертая секунды – это промежуток времени, необходимый глазу для того, чтобы заметить движение. Если ты движешься быстрее, наносишь удар быстрее, то его невозможно увидеть. Никто и не видит хороший джэб. От него защищаются, увидев движение ног, бедер, но если джэб исполнен настоящим мастером, то все происходит одновременно, и заметить удар можно, только почувствовав его. Боксеры высокого класса обмениваются сверх-скоростными ударами где-то даже на грани интуиции, чувствуя противника, не давая ему атаковать, атакуя в ответ, атакуя раньше, чем противник сделает это.

– Бокс? Как интересно. А откуда ты знаешь про этот самый бокс? – спрашивает Акира. Я его понимаю. Действительно, интересно, откуда ботаник может знать о боксе. Какая-нибудь школа «Длинного Кулака» или «Восьми Триграмм» – это вот запросто, а вот бокс?

– У меня дядя был, – поспешно придумываю я, – он и показывал. Я раньше не занимался, а вот сегодня вдруг вспомнил.

– Ага. Вспомнил. – Худощавый Изаму поворачивается к Акире, и глаза его округляются: – Слушай, этот мелкий словно герой манги «Удар-молот»! В критический момент его силы просыпаются, и он наносит поражение во имя Молота Правосудия! Есть идея...

– Но-но, не надо мне тут твоих идей...

– Да ты послушай, идея классная. Ему для того, чтобы пробудить силы, нужен критический момент, ситуация должна быть опасной, ну там злодей осьминогий напал на его девушку, или Доктор Док заложил бомбу в банк, или...

– Нет у него девушки. Хотя... у тебя есть девушка?

Я отрицательно качаю головой, и патлатый Акира вздыхает, изображая жест рука-лицо:

– Нет у него девушки, а у нас нет осьминога, чтобы посадить его на эту бедную девушку, извращенец ты такой!

– Дело вовсе не в девушке, – не обижается худощавый, – дело в принципе. Ему нужно расправить крылья и найти свой потенциал – во имя Молота Правосудия!

– Не слушай его, – говорит мне Акира. – Он немного двинутый на всей этой теме, не обращай на него внимания и не вздумай обсуждать с ним мангу. А если у тебя все-таки появится девушка, держи ее от него подальше.

– И, кстати – осьминогий, а не осьминог, – добавляет Изаму, – но основная мысль тут не в этом. Мысль тут такая – давайте все вместе дадим ему люлей, отмудохаем тут хорошенечко, только важно не сдерживаться, а именно хорошо так его побить. А у него в критической ситуации проснется сила, и он нас раскидает в стороны. – Тут он с торжеством оглядел присутствующих. – Так мы поможем парню раскрыть свой потенциал.

– Э-э... прошу прощения, Изаму-сан, но я уверен, что никакого потенциала у меня нет, – сказал я, пытаясь заверить этих добрых людей, что подобного рода усилия будут только пустой тратой энергии.

– Ну тут уж, пока не попробуешь – не узнаешь. – Изаму философски пожал плечами, но веселый блеск в его глазах не погас. Этот блеск мне не нравился. Именно с таким блеском

ученые начинают вивисекцию «интересного объекта», чтобы узнать, почему он так забавно дрыгается.

– Отстань от парня, Дохлый-кун. Не приставай к людям. Мы не будем его мудохать. По крайней мере до тех пор, пока он этого не заслужит.

– Жалко. Придется подождать...

– Прошу прощения, Акира-сан, но мне пора на урок. Перемена скоро кончится и...

– А? Да, да, конечно. Ступай. – Патлатый Акира помахал в воздухе рукой, утратив ко мне всякий интерес.

И хорошо, подумал я, возвращаясь в класс и массируя правую руку. Боль уже утихла, никакой опухоли или ссадины на костяшках не было. Странно, мне показалось, что я слышал характерный хруст в момент удара, да и боль была. Хотя тут надо сделать скидку на нетренированное тело Синдзи-куна, скорее всего это было в первый раз, когда его кулак испытал ударную нагрузку. Я быстро пробежался по доступной памяти Синдзи-куна и не нашел там ничего похожего на тренировки или драки. Как и ожидалось. И вообще, пора перестать относиться к этому пареньку в третьем лице, строго говоря, я теперь – это он. И его жизненный опыт и мой сплавлены воедино, просто в силу того, что мой жизненный опыт намного больше, мои жизненные принципы и сила воли намного сильнее – главным ингредиентом в этом слиянии выступаю я. Но с точки зрения всех вокруг я все тот же Синдзи-кун, и не надо об этом забывать.

Глава 2

Остаток дня в школе прошел без приключений, только Цудзи пропал. Как выяснилось – попался на глаза учителю физкультуры и был отправлен в медицинский кабинет, так как щеголял разбитым носом и синяком на скуле. Я насторожился, ожидая вызова к директору или завучу, воспитательной беседы и «родителей в школу», однако тревога была ложная, так как Цудзи, следуя боевому кодексу хулигана, конечно, сказал, что упал с лестницы, а учитель в свою очередь сделал вид, что поверил в это. Медсестра наклеила Цудзи пластырь на переносицу, сделав его физиономию на удивление боевой. Хмурый, с пластырем на переносице, он нахохлился на задней парте, односложно отвечая на вопросы и даже огрызнувшись на сочувствие со стороны его приспешника Акаи.

От меня Цудзи отстал, даже не смотрел в мою сторону. Зато оставшиеся одноклассники, наоборот, поставили себе цель пробуравить меня взглядами. Большинство смотрело на меня с недоумением и растерянностью – как так получилось, что это тут у нас сидело, оказывается, а мы и не знали. Да, в классной иерархии что-то произошло, лидер категории «альфа-хулиган» был потрепан каким-то омегой-ботаником.

При этом слово «ботаник» отнюдь не подразумевало умного, но дохлого интеллигента, нет, в Японии, если ты дохлый, но отличник – уважение окружающих тебе обеспечено. Поэтому в классе есть несколько вершин власти, ну или группировок – официальная, ребят и девчат, которые хорошо учатся, исполнительны и не допускают нарушений или замечаний. Эти, как правило, на хорошем счету у учителей и работников школы.

Сюда входят староста, помощник старосты, отличники и те, кто хотел бы к ним прикнудить. Там своя иерархия. Вторая ветвь власти – это хулиганы. Тут все просто, дерзкие ребята, показывающие всем своим видом пренебрежение школьной системой, бунтари и все такое. Драки, курение за школой, контрабанда спиртных напитков, какие-то сборища (назвать это вечеринками язык не повернется), цепи вместо брелоков на ключах, прикрепленные огромными карабинами к поясу, расстегнутые до пупа рубахи, закатанные рукава и здоровенные чубы. Кстати, в отличие от официальной школьной иерархии в хулиганской среде существовало как бы две ветки – мужская с Цудзи во главе и девичья с Кин Иошико, яркой представительницей культуры гяру-герл, крашеной блондинкой в клетчатой короткой юбке и с кучей колец на пальцах, в черных очках почти при любой погоде и с яркой помадой, несмотря на школьный запрет на косметику.

Иошико была родом из Кореи, изучала тхэквондо и даже принимала участие в районных чемпионатах. Кроме этих, существовала также еще одна вершина школьной социальной жизни – красивые девчонки.

Там властвовала Снежная Королева Юки со своей свитой из двух близняшек и ее конкурентка Аоки-чан, производившая вид простой и милой девчушки, с тремя ближайшими подружками – такой себе квартет из райских птичек.

Остальные одноклассники либо стремились прибиться к какой-нибудь из групп, либо входили в безликую серую массу неудачников. Нет, на самом деле среди этих неудачников были и свои мелкие группки, но влияния на погоду в классе они не имели.

Что касается Синдзи-куна, то он был неудачником и рохлей, и его мнение и существование никого не интересовало. И я бы с удовольствием оставил все как есть, потому что такое положение меня устраивало. Лезть в лидеры класса, показывать свою крутость и офигенность – зачем? Я прожил одну жизнь, прожил ее ярко и насыщенно, умер, как и полагается мужчине – в бою. Я не ожидал следующей жизни, но видимо так уж устроена вселенная, может быть, и после этой жизни я снова перерожусь, и так бесконечное количество раз. Что я точно знал,

так это то, что энтузиазма в завоевании и осуществлении новой жизни у меня стало меньше. Смысл? Завоевать мир? Заработать, украсть, отжать миллиард? Создать свой гарем?

Радости от этого очень мало, а вот забот – очень много. Как там у Булгакова – «он не заслужил свет, он заслужил покой». Вот. Я заслужил покой, как Мастер. Я тоже хочу большой дом на берегу моря, где буду проводить дни и ночи в покое. Да, друзья, да, пусть будет жена или жены – но уж тут надо постараться подобрать спокойных. И тех и других. Поэтому жизнь, где мое мнение и существование не заботило окружающих, была тем, что доктор прописал.

Вот только чертов Цудзи не вовремя влез. Можно было терпеть, но, во-первых, это некомфортно (а покой – это и комфорт), а во-вторых, такие как он на этом не останавливаются. Терпеть тут не получится. Этим ребятам нужно довести тебя до грани, тогда они чувствуют, что день прожит не зря. А потому надо было изменить свой социальный статус и занять нишу странного типа, которого лучше не трогать, ибо чревато. Надо, конечно, подтянуть свое тело. Заняться собой, наработать форму, раз уж я в этом теле надолго – надо сформировать его как следует, да...

Задумавшись об этом, я медленно побрел домой после школы. Идти было не так уж и далеко – около километра по узким улочкам, а возле дома я зашел в маленький продуктовый магазин Тамагавы. Зазвенел колокольчик, прикрепленный к дверному косяку, оповещающая продавца, что зашел покупатель, и стоящая у прилавка пухленькая девушка улыбнулась мне и склонилась в легком поклоне.

– Синдзи-кун! Добро пожаловать!

– Здравствуйте, Иноэ-сан. Как у вас дела?

– А как могут быть дела в маленьком магазинчике этого бездельника Кенты? Вечно он напьется, а потом валяется в кровати два дня подряд, а я стою у прилавка как привязанная. – Она сложила руки на груди, выражая недовольство. – А мне, между прочим, Ямасита-кун, уже двадцать пять! Я так замуж никогда не выйду.

– Обязательно выйдете, Иноэ-сан. Вы обаятельны, и у вас красивая улыбка, – сказал я, встав у прилавка и хлопая по карманам в поисках кошелька.

– Ой, да что ты говоришь, – всплеснула руками девушка, расплывшись в новой улыбке, – вот только этого никто и не замечает. Вот только ты, Синдзи-кун, и замечаешь. Пожалуй, мне стоит подождать, когда ты вырастешь и станешь настоящим мужчиной.

– Ну не стоит себя так утруждать, Иноэ-сан, я уверен, что в ближайшем будущем найдется ваш принц, который и унесет вас прочь из этого магазинчика. – Кошелек не находился. Я попытался вспомнить, куда я его дел. Да вроде никуда, он всегда лежал у меня в одном и том же месте – в нагрудном кармане пиджака.

Одна из привычек Синдзи-куна. Его мама очень боялась карманников и рассказывала страшные истории о том, как в токийском метро карманники орудуют заточенной до бритвенной остроты монетой, вскрывая карманы и сумочки, а если жертва обнаруживает кражу и начинает кричать или хватать карманника, то тот с размаху полосует этой же монетой по глазам.

Почему из этого следовал вывод хранить кошелек в нагрудном кармане было непонятно, однако впечатленный этими рассказами Синдзи-кун носил кошелек только так. Я сам в прошлой жизни не придавал этому особого значения и носил кошелек, как правило, в кармане брюк, но кто я такой, чтобы противиться детской травме и полезной привычке своего... партнера по телу? Брр... звучит как-то слишком. Тут я понял, что опять «завис» и стою перед прилавком, глядя в пространство стеклянными глазами.

– Э-эм... Иноэ-сан, извините, я кошелек найти не могу... – говорю я, продолжая поиски уже в рюкзаке.

– Боже, боже, да какие могут быть счета между двумя настолько близкими людьми. Думаешь, мне придется сменить фамилию на Ямасита, или я смогу остаться Тамагава? Все же у меня династия и все такое... и если я оставлю фамилию, то старый Кента подарит нам на сва-

дьбу магазинчик. – Шалуныя прикладывает указательный палец к подбородку и делает вид, что задумалась.

– Иноэ-сан, извините, что побеспокоил, – кланяюсь я.

– Не дури, Синдзи-кун. Бери, что тебе надо, потом заплатишь. Ну или Нанасэ оплатит, как с работы зайдет, – отмахивается та. – Бери, бери. Ты ж тут рядом живешь, видный мужчина. – Она улыбается, словно кошка, досыта наевшаяся сметаны.

– Иноэ-сан, ну когда вы перестанете дразнить бедного парня, – вздыхаю я, набирая пакет продуктов. – У меня же и шанса нет.

– Старание и упорство – вот что отличает мальчика от мужа, Синдзи-кун! – наставительно поднимает палец вверх молодая продавщица и внучка Тамагавы Кента-сана, пожилого владельца магазинчика. – Ты главное не сдавайся! Файтин! Прикладывай усилия, учись общаться с нами, девушками, и прекращай краснеть каждый раз, как меня видишь, вот тогда и поговорим.

– Спасибо за ваше внимание и заботу, Иноэ-сан. – Я кланяюсь, жду, когда Иноэ запишет мой долг в старую, потрепанную тетрадку в клетку, еще раз кланяюсь и выхожу из магазина. Теперь домой. Я и Нанасэ-нэсан проживали в однокомнатной квартире неподалеку, на втором этаже неказистого жилого здания. Что интересно, лестница на второй этаж проходила снаружи, видимо, чтобы не обогревать площадь попусту, хотя отопление здесь отсутствовало как класс. В принципе.

Зимой мы с Нанасэ-нэсан обогревались электрическими обогревателями, что было достаточно затратно, приходилось экономить, в результате Синдзи-кун ходил постоянно простуженный. Но самым замечательным изобретением в борьбе против пронизывающего холода было, конечно, котацу, эдакий низкий столик с одеялом по краям, сидя за которым можно было засунуть туда ноги и греться. Да что там ноги, нередко Синдзи-кун залезал туда целиком и засыпал в тепле и комфорте. Особенно если Нанасэ-нэсан присоединялась к нему. Такая вот идиллия семейной жизни.

Поднимаясь на свой этаж по лестнице, я заметил толстого рыжего кота, Поно-куна, сидящего на перилах. Содержать питомцев здесь было довольно дорого и хлопотно, поэтому у нас не было своего кота, хотя Нанасэ-нэсан обожала кошачьих. Поэтому ни она, ни Синдзи-кун не проходили мимо Поно-куна просто так. Обязательным ритуалом считалось остановиться, со всем уважением и вежеством поклониться и испросить у толстого комка меха разрешения погладить его, а также поинтересоваться его житьем-бытьем. Где именно жил Поно-кун, явно бывший домашним котом, и почему он предпочитал целыми днями сидеть на перилах нашего дома, было неизвестно. Решив не нарушать принятую Синдзи-куном и Нанасэ-нэсан традицию, я остановился и поздоровался с Поно-куном. Толстый рыжий кот даже не повернул свою голову в мою сторону, лишь дернул ухом нетерпеливо, мол, проходи, не мешай принимать солнечные ванны. Я погладил кота, мысленно посокрушался, что не взял для него в магазинчике Тамагавы хвостика рыбки, как обычно. С другой стороны, у меня же не было сегодня кошелек, я и так влез в долги.

За спиной раздалися шаги, и я выпрямился, оборачиваясь.

– Ямасита-кун, – сказала близняшка. Наверное, Ая.

– А? Э-э-э... Сато-тян? – вот тут стоит и поблагодарить традицию обращаться сперва по фамилии, потому что я был не уверен, это Ая или Мико. И когда же я научусь их отличать? Так, стоп, а что она вообще тут делает?

– Ямасита-кун, из твоего пиджака выпал кошелек. Вот... – она протянула мне мой кошелек.

– О, так вот он где. Спасибо за то, что позаботилась обо мне и моем имуществе, – протянул я стандартную фразу благодарности. Близняшка потупилась.

Через пятнадцать минут я стоял на своей маленькой кухоньке, поджаривая рис с яйцом и добавляя мелко нарезанный лук, и время от времени оглядывался на чинно сидящую Аю (это все-таки была Ая), которая с невозмутимым лицом отхлебывала чай из зеленой фарфоровой кружки. Все получилось само собой, невежливо просто сказать «спасибо» человеку, который не только подобрал твой кошелек, но еще и потрудился принести его до самой двери твоей квартиры. Поэтому в качестве вежливого жеста я предложил ей пройти ко мне и «вкусить трапезу», предварительно предупредив, что готовлю я так себе. Ая, видимо, в качестве ответного жеста вежливости согласилась.

И вот теперь я готовлю жареный рис, а она пьет чай из зеленой фарфоровой кружки. Бросив на нее быстрый взгляд, я покрутил головой, мысленно хмыкнув – все-таки шестнадцать лет нового тела давали о себе знать. Гормоны. Как зрелый мужчина и попаданец, я понимаю, что ничего особенного в близняшках Сато нет – невысокие девчонки с крепенькими икрами и бедрами, груди были едва обозначены под форменными рубашками, милые личики и длинные волосы, да еще эта манера одеваться одинаково, намеренно путая окружающих.

Но тело Синдзи-куна реагировало на присутствие симпатичной девушки в его апартаментах совершенно очевидным образом, мой взгляд поневоле скользил по крепким коленкам, которые не были прикрыты юбкой – у меня такое впечатление, что юбка была специально подрезана, ведь согласно школьным правилам, она все же должна прикрывать эти соблазнительные коленки. И мысли, которые вспыхивали в моей голове, ну никак нельзя назвать целомудренными. Если бы здесь и сейчас в комнате был сам Синдзи-кун, он скорее всего впал бы в ступор, начал бы невнятно блеять, а то и упал бы в обморок с обильным кровотечением из носа, словно в хентайной манге.

Но за рулем, на командном мостике этого тела стоит сознание мужчины, у которого в жизни бывало всякое, и уж особой тайны для меня женское тело не составляло. Конечно, приятно погонять в голове мысль, как Ая Са-то-тян стоит передо мной на своих крепких коленках, совершенно голая, и открывает свой прелестный ротик, или что-нибудь еще из воспаленного воображения Синдзи-куна, но я мог контролировать свои половые инстинкты в достаточной степени, чтобы не краснеть и не бледнеть перед гостьей.

– Что ты сказал, Ямасита-кун? – спросила Ая, видимо услышав, как я хмыкнул.

– Ничего. Рис уже готов, сейчас я... – быстро переложил рис в две плоскости, украсил их сверху мелко нарезанной зеленью и подал это к столу. Чай, соус, две пары палочек и: – Итадакимас!

– Итадакимас! – эхом отозвалась близняшка Ая, подготовив палочки, и мы приступили к еде.

Надо сказать, что у Синдзи-куна были неплохие навыки готовки – он часто оставался один и был вынужден освоить азы японской кухни быстрого приготовления – всякие омлеты с рисом, жареный рис и прочее. В свою очередь старый добрый я всегда считал, что хорошо готовить – это одна из черт настоящего мужчины. Как там у Хайнлайна? «Вкусно готовить, хорошо сражаться, достойно умирать». Поэтому рис вышел очень даже ничего. Нанасэ-нэсан приходила с работы поздно вечером, поэтому Синдзи-кун обычно оставлял ей приготовленную еду в холодильнике. Вчерашняя порция была съедена Нанасэ-нэсан полностью, и она даже сказала что-то вроде «как вкусно ты стал готовить, Синдзи-кун!». Так что в этой части как мужчина я состоялся, осталось подтянуть остальные сферы. Подтянуть свое тело так, чтобы я мог выдать полноценный джэб и не потянуть руку, укрепить мышечный корсет так, чтобы перестала болеть спина, и вообще, тело – это твоя крепость, так что придется снова пройти этот путь от начала и до конца.

– Ямасита-кун, – сказала Ая, аккуратно доев свою порцию, – ты хорошо готовишь.

– Спасибо, Сато-тян. Рад, что тебе понравилась моя готовка, – кивнул я, – в следующий раз я приготовлю что-нибудь повкуснее. Я не ожидал гостей, поэтому...

– Да нет, было очень вкусно. – Ая вежливо поклонилась и встала.

Я проводил ее в прихожую, отметив, что ее юбка была явно короче, чем требовалось по уставу школы, а ее ноги были крепкими и точеными, словно у мраморной статуэтки.

– Еще раз спасибо, что принесла мне мой кошелек, – сказал я, – право слово, не стоило беспокоиться и приносить его мне. Я бы мог забрать его и завтра, в школе.

– Я думала, что у тебя может не хватить денег на что-нибудь важное сегодня, – серьезно ответила мне Ая и обвела взглядом нашу убогую комнатку на девять татами. Я кивнул в ответ. Она не сказала ни слова о том, что мы с Нанасэ-нэсан жили в таких условиях, и что она переживала, что мне будет не на что купить еду, она просто оглядела все вокруг и наклонила голову. Без пренебрежения, скорее с пониманием. Я вздохнул. Судя по всему, близняшки Сато не понаслышке знали, что такое оказаться без денег вечером, по пути домой.

– Давай я тебя провожу? – сказал я. – Все-таки вечер и...

– Конечно, – наклонила голову Ая.

Мы вышли из квартиры, я запер дверь ключом, и мы пошли вниз по улице. Уже темнело, включились фонари, весенний воздух был довольно свеж, но школьницы здесь ходили с голыми ногами, умудряясь иметь вполне себе здоровый вид.

Без происшествий проведив Аю Сато-тян до ее дома, оказавшегося не так уж и далеко по местным меркам, я вернулся домой и задумался. Было что-то, не дающее мне покоя, словно какая-то мошка свербела на грани моего сознания. Но что именно? Драка в школе? Драка и драка, это для Синдзи-куна событие, а для меня, уже прожившего свою жизнь и видевшего не только драки, но и смертельные схватки... Но что тогда? Да, тело развито слабо, и его еще тренировать и тренировать, потом, когда боль в растянутых и перенапряженных мышцах пройдет, когда заживут разбитые костяшки, вот тогда мне и предстоит долгий и упорный труд по развитию этого тела.

И тут вдруг до меня дошло. Вот оно! Я поднял к глазам свою правую руку и сжал ее в кулак, словно проверяя новую перчатку, растягивая кожу на сгибах. Никакой боли не было. Ни боли, ни ссадин, ни опухлости, ничего. А ведь я отчетливо помнил хруст, и даже если не было перелома или вывиха, после такого удара неподготовленные костяшки Синдзи-куна просто обязаны были опухнуть. Я встал на ноги и прошелся по комнате, несколько раз подпрыгнул, помахал руками, покрутил шеей, изобразил серию из прямых ударов по тени. Ничего и нигде не болело. Хм. Я нахмурился. Это надо проверить. Когда Нанасэ-нэсан пришла домой поздно вечером, открыв двери своим ключом, первое, что она увидела – это как я отжимаюсь от пола. Классические отжимания, полная амплитуда до касания грудью пола.

– Тадаима, Синдзи-кун! – пропела она, скидывая с себя туфли и потягиваясь. – А ты, я вижу, времени не теряешь! Молодец! Сколько раз отжался?

– Десять, – буркнул я, вставая. Не мог же я сказать своей старшей сестренке, что счет отжиманиям я потерял уже после первой сотни.

Глава 3

На следующий день я сидел на уроке математики и лениво водил ручкой по тетради, делая вид, что записываю все, что говорит Сатоми-сан, размахивающая указкой, словно предводитель команчей – томагавком.

Пришедшая с работы Нанасэ-нэсан нарушила мои эксперименты со своим телом, а с утра у школьника не так уж много времени, режим как у солдата – вскочил, сделал свои нехитрые туалетные дела, почистил зубы и помыл морду лица, позавтракал чем Нанасэ-нэсан пошлет и рванул в школу, как всегда опаздывая. В школе тоже времени не так уж, едва пришел, а уже «динь-донн-динь», мол, урок начинается.

Вот и сию, глядя в пустоту и пошевеливая ручкой в такт словам учителя, думая о своем. Что в активе – со мной явно что-то не так. Если бы это было в моем мире, подумал бы о чуде или галлюцинациях. В этом мире подумал о магии, или как они там ее зовут – концентрация ки. Пробовал вчера ощутить эту самую концентрацию, только спать захотел. Никакого «внутреннего теплого потока в точке дай-тянь», никакой «манифестации и осознания единения с космосом», как это описывали в каком-то журнальчике.

Да, здесь есть интернет, но его очень мало, и пока я до этого самого источника знаний и порнографии не добрался. У Синдзи-куна была небольшая подборка эротических журналов (подборка, честно говоря нищенская – два журнальчика «Токийские красотки» и один пожестче типа «Сестрички»), да комиксы и истории про местных суперменов, или одаренных. В этой Японии их звали «махоу», то бишь маги. Лично в моей голове эта концепция укладывалась с трудом, маг в моем понимании, это седой старикан в потертом синем балахоне со звездочками из фольги и с широкополой шляпой, распределяющей по факультетам Хогвартса. Меньше всего это было похоже на местных виртуозов-рукопашников, пробивающих ударом руки танковую броню.

Тем не менее крупницы знаний в журнальчиках Синдзи-куна все же были, рекомендовали медитировать и осознавать. У меня в этом отношении пока не заладилось. Зато в результате нехитрых экспериментов я понял следующее: во-первых, у меня/нас появилась сверхбыстрая регенерация. Ну, хорошо, просто быстрая.

С Дэдпулом не сравниться, наверное, однако порез на руке, нанесенный кухонным ножом – зажил почти мгновенно и не оставил шрама. Хотя было больно. Хм, наверное, я все-таки местный Дэдпул, регенерация и дурное чувство юмора. Учитывая его имидж, я просто обязан начать напяливать трусы на голову и подсматривать за девчонками в душевых, в силу местных традиций.

Да, будучи в Карфагене, поступай как карфагенинин... гражданин Карфагена? Что еще?

Во-вторых, исходя из первого, разрывы мышц и усталость также не были проблемой. Проще говоря, я могу тренироваться словно паровоз, приседать и отжиматься практически бесконечно, не уставая. Да, звучит солидно, едва ли не питерская способность, но пардон, господа, что от этого толку, если мой удар по-прежнему разве что муху на щеке серьезного противника может убить? Иных отклонений от нормы в организме за вчерашний день я не нашел. Регенерация и выносливость. Да ладно, неплохо.

Нет, существовало еще кое-что – когда я только начал отжиматься, я кривлялся как червяк на сковороде – слабые мышцы не позволяли сделать четкое отжимание, но к приходу Нанасэ-нэсан я уже выполнял упражнение почти идеально. В моем мире и с таким телом для этого потребовалось бы пару месяцев упорного труда и четко распланированной нагрузки. Ура. Вот тут перспективы меня радовали. С другой стороны, я собирался прожить спокойную жизнь, дарованную мне вселенной, Богом или третьими мистическими силами... Однако

всегда проще прожить такую жизнь, какую ты хочешь, если у тебя больше возможностей. Потому...

Тут моего локтя коснулся небольшой бумажный треугольник.

Записка. Да, даже в японских школах во время уроков передают записки. Мобильных телефонов тут пока еще нет. Вернее, есть, но они словно бы из фильмов семидесятых годов моего мира – здоровенные коробки размером с блок сигарет и с огромной антенной, да и доступны только очень богатым людям. Вот у нас с Нанасэ-нээсан даже обычного, стационарного телефона с наборным диском и то нет. Вот и приходится местной школите передавать с парты на парту записки. Правила школьной переписки: если тебе на парту легла записка, ты обязан передать ее дальше, адресату.

Взглянув на учителя и убедившись, что Сатоми-сан не смотрит в мою сторону, я перевернул бумажный треугольник и прочитал имя. Ямасита. Сперва я не понял, но через долгие две секунды до меня дошло. Это мне. Синдзи-кун никогда не получал записок. Он был словно бы невидимым для социальной среды его класса. Нет, его не игнорировали, с ним здоровались и разговаривали, но, как правило, только по делу. Кто должен дежурить, что принести завтра в школу – это староста, сюда садиться нельзя и следи за своими вещами – все остальные. И конечно же – сгоняй в столовую и купи напиток, а то получишь подзатыльник – Цудзи с его компанией. Вот и вся социальная интеракция. А тут вдруг – записка. Как там – пахнет сиренью и крыжовником, письмо от Иеннифер из Венгерберга. Поддавшись порыву, понюхал бумажку. Не пахнет. Или пахнет, но чем-то трудноуловимо девчачьим, цветочный такой аромат. Не разбираешься ты, брат, в запахах, подумал я, и Синдзи-кун тоже в этом деле профан.

Развернул бумажный треугольник, сложенный в традиции оригами, при этом подумал, что ответное письмо писать не буду – опозорюсь, так сложить я точно не смогу. Хм. Можно ли назвать это приглашением? Четкий почерк, несколько слов. Написано: «На большой перемене подойдешь к нашему столу». И подпись, вернее два иероглифа. Юки Онна. Снежная Королева! Не сдержавшись, покосился в сторону ее парты, едва не заработал косоглазие, но ничего особенного не увидел. Снежная Королева все так же сидела с совершенно прямой спиной и, казалось, была полностью поглощена уроком.

Вот же. Видимо, никакого ответа на это и не подразумевалось. Куда денется Синдзи-кун, сама Юки до него снизошла. Вот что это такое творится на белом свете, люди добрые? Неужели Снежная Королева и ее близняшки после вчерашней драки прониклись ко мне чувствами и захотели устроить оргию где-нибудь в укромном месте школы – проскользнула у меня мысль, и сознание Синдзи-куна, подростка в самом пубертатном возрасте, тут же услужливо подсунуло мне несколько картинок, как именно все это должно происходить и в какой очередности. Мысленно похвалив гибкость участниц процесса и смелость в постижении вершин эротического мастерства, я выбросил эти картинки из головы, ибо нет. Ну никаким образом этого быть не может. Слишком уж велика социальная дистанция между нами, разные ранги, разные ветви влияния. Вернее, вот у нее и ее свиты это влияние есть, а у меня нет. Она – Королева со свитой, отличница, спортсменка, вот разве что не комсомолка, а в остальном – прямо сияющая вершина социальной иерархии. И Синдзи, тряпка-кун, тормозила, трусоватый заика и, вообще, как будто списанный с канона задрот. Друзей нет, социальной жизни нет, есть пара журналов с голыми сиськами под кроватью, которые он истово прятал от Нанасэ-нээсан, а я вот лично подозреваю, что последняя давным-давно про эти журнальчики знала, наверное, еще и посмеивалась про себя. Так что никаких оргий нам сегодня не обломится, а обломятся нам наверняка проблемы. Снова. В любом случае. И отказать, не подойти к ним я тоже не могу – обидятся. Кроме того, что я им обязан (Ая вот вчера кошелек принесла и пиджак мой подержала), так и занять личную неприязнь от Снежной Королевы было бы неудобно, м-да... Решение было принято, и, дождавшись звонка, я подошел к столу, за которым оставались сидеть сама Юки и ее близняшки.

– Юки-тян, Ая-тян, Мико-тян, – поздоровался я.

– Садись, Ямасита-кун, – кивнула мне одна из близняшек. Я опять начал их путать.

– Спасибо, – я сел рядом и огляделся. На большой перемене школьники обычно разбредались по школе, дабы перекусить. Большинство уже убежало в столовую или нашли себе укромные уголки, чтобы пообщаться и поесть. В классе, кроме нас, остались двое девчонок и три парня, обсуждающих вчерашнюю серию «Семи грехов Киото».

– Я позвала тебя сегодня по двум причинам, – сказала Юки-тян, она же Снежная Королева нашего класса. – Первая причина – это она. – Легкий наклон головы в сторону одной из близнецов. Наверное, это Ая. Она выглядит смущенной и перебирает пальцами край юбки, не поднимая глаза.

– Ая-тян совершила дурной поступок и сейчас Ая-тян извинится, – сказала Юки и замолчала, вопросительно подняв брови.

Ая кивнула, покраснела еще больше и что-то прошептала, глядя вниз и явно избегая встречаться со мной взглядом.

– Ямасита-кун не слышит тебя, Ая-тян. – А вот сейчас я понял, что прозвище Снежная Королева за Юки закрепилось не только из-за созвучности ее имени. Меня словно бы обдало холодом и снежинки закружились в воздухе – такими холодными были ее слова. Холодная. Непреклонная. Королева.

– Я прошу прощения у Ямаситы-куна! – практически выкрикнула Ая и наклонила голову так, словно ей кто-то ударил по затылку. Я поднял руку.

– Тебе не за что извиняться, Ая-тян, ты не сделала ничего дурного. – сказал я. – За что ты...

– Думаю, что тебе следует объяснить Ямасита-куну, за что именно ты просишь прощения. – Ее слова словно холодный ветер прервали мои попытки загладить ситуацию.

Я посмотрел на близняшку Аю. Та кусала губы, ее лицо покрылось красными пятнами.

– Я взяла кошелек Ямасита-куна из его пиджака... – сказала она тихо, едва шевеля губами.

– Зачем ты это сделала? – снова этот холод в голосе. Клянусь, прозвище Снежная Королева не случайно, и я совсем не удивлюсь если Юки по ночам тренируется в замораживании открытых водоемов и случайно оказавшихся рядом одиноких путников. Просто словами. По моему, это какая-то новая грань криокинеза.

– Я хотела отомстить Ямасита-куну за то, что он так грубо со мной обошелся, – сказала близняшка, вся покрытая красными пятнами, – потому что нельзя так вот делать! Ты просто бросил в меня свой пиджак! Нельзя так!

– Пиджак? – Наверняка в этом есть какой-то скрытый смысл, да. Может быть, в этом мире передать девушке свой пиджак – это скрытая форма изнасилования? Ну, типа всех этих «непрямых поцелуев» в манге, когда героиня отпивает из бутылочки, из которой до этого выпил кто-то другой, и это означает, что «их коралловые уста соединились»? Пиджак надевается на все тело, означает ли это, что «он бросил себя в ее объятия»? Или это знак вроде обещания: «я обязательно трахну тебя, Сато Ая-тян, трахну прямо вот тут, только подержи мой пиджак»?! Что за бред тут творится?

– Да! – поддержала свою сестру вторая близняшка. – Нельзя так делать с девочками! – она открыла рот, чтобы сказать что-то еще, но осеклась, встретившись взглядом со Снежной Королевой. Осеклась, словно испуганная школьница – подумалось мне, а потом я хмыкнул, да она и есть испуганная школьница, и вообще весь этот дипломатический инцидент был просто школьными разборками. Смешно. Я поднял вверх руку, привлекая внимание, словно школьник на уроке... гхм, да я и есть школьник, только на перемене, занимаюсь всякой дурью с одноклассницами. И да, совсем не той дурью, которой я бы (или вернее Синдзи-кун в моем подсознании) хотел с ними заниматься.

– Она-сан, Сато-тян, Сато-тян. Ничего страшного не произошло, и я искренне благодарен Сато Ае-тян за ее заботу и то, что она не стала ждать с возвращением кошелька до завтра и нашла в себе силы, чтобы дойти до самого моего дома. – Откуда она знала, где я живу – это еще один вопрос, но я на самом деле не был настолько любопытен. Более того, я подозревал, что ответ на этот вопрос мне не понравится.

– Поэтому я прошу прощения, если поступил неподобающе, передав свой пиджак Сато Ае-тян. Надеюсь, что Сато Ая-тян не будет таить на меня зла, и готов в меру своих скромных сил искупить свою вину. – Поклон. Как положено, «прошу прощения за мое невежество».

– И чтобы искупить свою вину... – продолжила Королева, – Ая-тян в течение недели будет теперь сопровождать тебя.

– Простите, что? – на секунду мне показалось что я ослышался.

– Разреши мне сопровождать тебя, Ямасита-кун! – наклонила голову близняшка.

– Извините, мне показалось, что я услышал что-то... простите, что?

– Ямасита-кун, – вздохнула Юки-тян, поясняя для непонятливых тормозов: – Эта девушка будет тебя сопровождать в течение недели. Решение окончательное и обжалованию не подлежит.

Я открыл рот. Попытался что-то сформулировать и закрыл его.

– Нет, ты не можешь отказаться от этой чести, – добавила Королева. – Да, она будет тебя сопровождать.

– Радуйся, червь, – буркнула вторая близняшка и затихла под внимательным взглядом Королевы.

– О, прекрасные девы, услаждающие мой взор, дозволено ли этому ничтожному узнать, куда именно и зачем будет сопровождать меня сия достойнейшая дева, с тем, чтобы ни в коем разе не нанести урон репутации сей невинной девы? – в какой-то момент меня переклинило, и я перешел на высокий слог из «Тысячи и одной ночи» или «Хроник восставшего сегуна». А все потому, что Синдзи-кун не обладал нужной мне информацией, не знал, что делать в такой ситуации, и вообще, такое ощущение, что радостно хихикал и потирал ручонки где-то в уголке моего сознания. У Синдзи-куна такого в жизни не было. С ним девушки вообще редко общались. И я, надо сказать, прекрасно их понимаю: чем может привлечь внимание среднестатистической японской девушки мой напарник по мозгу? Как там – характер скверный, психически неуравновешен, тряпка, неженат. С другой стороны, мой друг и напарник Синдзи-кун всего лишь продукт своего воспитания. Тут же как? Со старшими не спорить, всегда быть тихим и послушным, никаким образом не выходить за границы дозволенного, не привлекать лишнего внимания, и вообще. Ничего удивительного, что, пытаясь быть хорошим мальчиком для своей мамы, Синдзи-кун подавил в себе все, что могло дискредитировать его или его маму (а тут ведь как: если сын неуч и невежда, значит, воспитание неправильное, а кто воспитывает – правильно – мать). Результат налицо – тряпка-кун. При этом японское общество восхищается теми, кто вышел за пределы своих рамок и границ, но при одном условии – у них должно получиться. Иными словами – победителей не судят.

– Сия информация будет донесена до тебя этой, без сомнения достойнейшей, но оступившейся на пути своих предков девой в нужное время и в нужном месте. – Как выяснилось, Королева еще как умела выдать сложный и витиеватый слог. Ну так, а чего было ожидать, президент литературного клуба школы все-таки. Опять-таки, «как и ожидалось от тайчо!». – А между тем тебе следует решить свои иные проблемы... не смею более задерживать твое внимание, Ямасита-кун. – Королева наклонила голову, давая понять, что аудиенция закончена.

Я вернулся к своей парте, изгоняя из своей головы картинки, с помощью которых Синдзи-кун пытался описать, как именно, по его мнению, должен проходить процесс «сопровождения Ямаситы-куна» крепконогой Аей-тян. И в каких позах. М-да. Вот что в головах у японских подростков, а? На вид все такие скромные... сев на свое место, я обнаружил, что вопреки

моему опасению Ая и ее сестра остались на своих местах – возле Снежной Королевы. А может быть, это «сопровождение» – из разряда духовных практик? Вот сидит Ая-тян в позе лотоса у себя дома и «сопровождает» мой дух по астральным проекциям вселенной, например. Я хмыкнул и выбросил эти мысли из головы – впереди была история, а здешнюю историю я не знал, поэтому проявлял к урокам истории повышенный интерес. Прочие же проблемы можно было решать в порядке их возникновения.

Впрочем, последние не заставили себя долго ждать. Во-первых, Ая-тян все-таки присоедилилась ко мне после школы, когда я собрался домой. Ну, то есть все как всегда, я собираю свой портфель, все эти учебники и тетрадки в полоску, как вдруг возле моего стола материализуется Ая-тян. Со своими крепенькими ножками и в своей ультракороткой юбочке. И, по моему, у нее грудь стала побольше, или это в моей голове опять Синдзи-кун картинку начал представлять. Я даже разговаривать с ней не стал – пусть сама говорит, что надо. Устал я головоломки решать – у меня впереди спокойная вторая жизнь в роли обычного японского... хм... фермера? Или рыбака. Или порноактера, например.

Да, а что, раз тут есть журналы с сиськами, наверняка существуют и порнофильмы, это просто Синдзи-кун их не видел. И там наверняка нужны актеры, да. Суровый кастинг, конечно, но с моими новыми возможностями по регенерации – я просто то, что надо для «клубничной индустрии». Вот, решено, буду порноактером. И деньги есть, и секса вдоволь, и не надо никому объяснять, почему это я не могу быть верным семьянином. А уж если кто и решит разделить со мной супружескую койку, то будет готовой принять и мою работу. Тяжелую работу, Синдзи-кун. Потому я промолчал. Ая-тян тоже промолчала.

Вот так, молча, я впереди, а Ая-тян немного сзади, словно придворный паж у знатной дамы – мы и вышли за школьные ворота. Отошли буквально метров на десять, и я уже начал гадать, будет ли «сопровождение» включать ужин у меня в квартире, потому как мы с Нанасэ-онэсан, конечно, гостеприимные, но если эта девушка с крепкими ногами будет ходить к нам регулярно, то мне придется пересмотреть список продуктов для закупки в субботу, как вдруг нас окликнули. Пардон, меня окликнули.

– Эй, тормоз! – прямо в спину. Я даже ни на секунду не сомневался, кого именно звали. Кого еще могли звать? Конечно. Предсказуемо. Я продолжил идти прямо, не реагируя на оклик.

– Эй, я тебя зову, ты! – снова из-за спины. На этот раз уже ближе и с придыханием. Догоняет.

Я обернулся и увидел Акаи, мелкого шакала у Цудзи.

– Акаи-кун! – сказал я. – Какая встреча!

– Ты чего не отзываешься, когда тебя зовут, тормоз? – с ходу наехал Акаи. – Ты, ушла... – тут он вдруг взбрыкнул ногами и упал на тротуар. Так бывает, да. Когда тебе в голову прилетает сперва джэб, а потом хук правой, точно в челюсть – так бывает практически всегда. Я наклонился, убедился, что Акаи-кун дышит, перевернул его на живот, поднял портфель и продолжил движение. Мы отошли уже на достаточное расстояние, когда из-за спины раздался тихий голос.

– Ямасита-кун... что это было? – спросила Ая-тян.

– Это была попытка восстановить равновесие, – ответил я. – Ты же не думала, что достаточно навалить Цудзи-куну, чтобы сразу поправить свой социальный ранг?

– Э-э... социальный ранг?

– Ну да. Как тебе объяснить... люди в обществе делят друг друга по рангам. Ну, там богатство, влияние, слава, сексуальная привлекательность и прочее. – Я посмотрел на Аю-тян и махнул рукой. – Ну или в вашей терминологии есть «крутые» и «шваль», есть «королевы» и «подданные». Понятно?

– Да, – кивнула Ая.

– Ну так вот. У детей, подростков, школьников, у нас, короче, многие вопросы решаются в драке. Кто сильнее – тот и круче. Это вообще-то древняя парадигма, ей два миллиона лет. Цивилизованно люди стали решать свои проблемы только недавно, а раньше все было намного проще. Бум по голове дубиной и все дела.

– Нет, я спрашиваю, что ты сделал с Акай?

– А, ты об этом? Это называется безопасная позиция. Годится для людей без сознания – пострадавший кладется на живот, одно колено сгибается и рука в локте тоже, так, чтобы он лежал как бы немного на боку. В этой позиции у пострадавшего уменьшается риск западения языка или захлебывания иными жидкостями.

– Какими еще жидкостями? – нахмурилась Ая-тян.

– Например, рвотой, – пожал плечами я. Ая-тян заметно позеленела, поэтому я поспешил ее успокоить: – Но в нашем случае Акай-куну ничего не грозит. У него травматическая потеря сознания, не более того. Уверен, все будет в порядке. Хотя-я-я... – Я остановился. – Да, ты абсолютно права, Ая-тян. Надо бы посмотреть, как он там. В конце концов оставить одноклассника на улице одного и без сознания...

Я развернулся и подошел к лежащему на тротуаре Акай. Он уже пришел в себя, сел, подтянув под себя ноги, и помотал головой. Зря. Не стоит так делать сразу после того, как тебе встряхнули голову. Он ойкнул и схватился за голову. Я присел рядом, на корточки, как пацаны с нашего квартала, посмотрел в его круглые глаза, пожал плечами.

– Ну, как себя чувствуешь, Акай-кун?

– Нормально. – выдавил тот из себя, цокнул языком и сплюнул. Плевков вышел красноватым. Кровь. Губу я ему разбил.

– Вот и хорошо. Ты только не вставай сразу, Акай-кун, а то голова закружится, не дай бог, ушибешься еще... а тебе сейчас лишние травмы головы без надобности. Это, как его – кумулятивный эффект называется.

– Накопительный, значит, – откуда-то из-за моего плеча пояснила Ая-тян. – Тебе и вправду лучше посидеть тут, Акай-кун.

– Да ну вас, – сказал Акай и встал на ноги, пошатнувшись. Я поддержал его, и он инстинктивно оперся на мою руку, нахмурился и оттолкнул меня в сторону.

– Все? Успокоился? – спросил я, шагнув назад.

– Угу, – подавленно кивнул Акай, – да я сейчас тебя отделаю так, что...

– А вот тут я вынужден тебя прервать, Акай-кун, пока ты не наговорил глупостей больше, чем можешь себе позволить, – сказал я, – ведь добавлю сейчас сверху, если мало показалось.

– Твое поведение, Акай-кун, не может являться примером для подрастающего поколения, – добавила Ая-тян, и я невольно покосился в ее сторону. Ая-тян сделала покер-фейс. Дескать, она вообще всегда так говорит, и никакого желания подначивать или хихикать над Акай-куном у нее и в голове не было. Я пожал плечами и повернулся к Акай.

– Акай-кун, у меня нет никакого желания выяснять, кто круче, и участвовать во всех этих ваших интригах. Если ты никому не скажешь, что здесь произошло, я тоже никому не скажу, – фактически я предложил Акай возможность сохранить свое лицо, и если он этим не воспользуется, значит, совсем дурак.

– Хм. – Акай-кун подавленно кивнул. Значит, не совсем дурак.

– И тебя, Ая-тян, я убедительно попрошу...

Ая-тян молча кивнула, продолжая хранить покер-фейс.

– И... хорошо. До свидания, Акай-кун. – Я развернулся и продолжил свой путь к дому. Сзади семенила Ая-тян, не собираясь отставать или объяснять свое поведение. Впрочем, с этой конкретной девушкой я уже махнул рукой на попытки выяснить причины и следствия. Идет вслед за мной – и бог с ней. Синдзи-кун в моей голове уже нарисовал картинки из разряда «и тут я споткнулся, и мы упали вместе, увлекая Аю-тян за собой и падая прямо на нее...» с после-

дующим обоюдным покраснением лицом к лицу и прочими прелестями хентайной манги для пубертатных подростков.

К чести Синдзи-куна, что именно потом делать с покрасневшей Аей-тян, он не представлял. Пребывая в своих мыслях и отсеивая фантазии Синдзи-куна, я толкнул дверь магазинчика Тамагавы. Динь-динь – прозвенел колокольчик, прикрепленный над дверью.

– О! Какой мужчина... – начала было из-за прилавка Иноэ, но осеклась, увидев входящую за мной Аю-тян.

– Добрый день, посетитель-сан! – официально поклонилась Иноэ. – Магазин Тамагавы считает честью обслужить вас!

– Меня зовут Сато Ая-тян и я одноклассница Ямасита-куна, – выпалила Ая-тян и склонилась в поклоне. – Пожалуйста, позаботьтесь обо мне!

– ...Гхм... – я только глазами похлопал. Все-таки не хватает мне понимания всей этой японской культуры социальных интеракций. Я тут все равно как деревянный хошу. Во-первых, потому, что Синдзи-кун со всей своей информацией у меня в подсознании то ли дрыхнет, то ли развлекается на свой манер, вылезая только тогда, когда происходящее его уж сильно волнует. А во-вторых, и сам Синдзи не был таким уж, как там говорят по-английски? Social butterfly? Ну не был он душой общества, что поделать. Был таким букой, гиком и нердом, ботаником, если по-нашенски. Вот только термин «ботаник» применим к человеку не только потому, что он рохля, мямля, неудачник, да еще и дохляк. «Ботаник» – это если человек еще и увлекается чем-то. Пусть марки собирает или там в историю Вархаммер 40 000 фанатеет, характеристики всех шуруповых винтовок мира знает наизусть, или еще что. А вот Синдзи у нас был фанатом махоу-манги и аниме. То есть балдел от всех этих суперменов и супервуменов. Знал имена и особенности техник, какие-то мелкие подробности, значимые только для фанатов (при звуках флейты теряет волю), составлял досье и даже обменивался информацией с компашкой таких же странных людей. Вот, кстати, надо бы появиться в этом клубе нердов, иначе начнут тут слухи ходить, мол, Гермiona очень сильно изменилась за лето... а с другой стороны, все равно начнут и не плевать ли. Плевать. Мало ли как у пацана в пубертатном возрасте голову может переклинить. Бывает.

– Ярэ, ярэ... – протянула Иноэ-сан сразу же изменившимся голосом. Вот до чего же прилипчивы штампы и стереотипы – голос Иноэ-сан стал похож на патоку, тягучий и сладкий, однако никто не стал бы обманываться сладостью, в которой таится скрытая насмешка и превосходство – именно таким голосом и разговаривают все эти прекрасные дамы в возрасте, оглядывая краснеющего юношу, который пытается что-то бляеть в свое оправдание.

– Смотри-ка, а ты повзрослел, Ямасита-кун. – Вот и началось. Я вздохнул и закатил глаза в ожидании неизбежного.

– Тебя уже провожает домой девушка... ах, эта юность и ее прекрасные порывы. – Иноэ-сан сделала попытку игриво подмигнуть. – В наше-то время девушки не провожали молодых людей. В наше время молодые люди провожали домой своих девушек. Что же должно было произойти, чтобы столь юный и прекрасный цветок стал провожать домой этого распутного молодого человека?

– К сожалению, обстоятельства сложились так, что эта достойная девушка оказалась в трудной жизненной ситуации. – Покачал головой я, в свою очередь подхватывая игру в стереотипы. – И сейчас вынуждена отрабатывать свои долги таким неприглядным путем.

Ая-тян за моей спиной аж задохнулась от злости, но под бдительным оком Иноэ-сан поперхнулась и покраснела, топнула ножкой и бегом убралась из магазинчика Тамагавы – только дверь хлопнула и колокольчик звякнул.

– И вот надо было тебе дразнить свою одноклассницу, Синдзи-кун, – укоризненно покачала головой Иноэ.

Надо же, подумал я, а мы теперь с Иноэ-сан на «ты», получается, раз я уже не Ямасита-кун, а по имени. Тут с этим серьезно, это как у нас с «вы» и «Иван Петрович» перейти на «ты» и «Ваня».

– Не берите в голову, Иноэ-сан, – пожал плечами я, – ей только на пользу будет.

– Ярэ-ярэ, а ты стал совсем взрослый, Синдзи-ку-у-ун, – протянула Иноэ, – и уже сердцеед. Бедная девочка, нашла себе такого не по годам циничного и черствого кавалера.

– Да нет у нас с ней ничего, – начал отрицать я, понимая, что уже проиграл эту битву. Никто ж мне не поверит. А даже если и поверит – все равно Иноэ-сан будет надо мной стесаться до окончания времен. И ладно, бог с ней, в конце концов Иноэ-сан – одна из немногих людей во всем этом новом для меня мире, с которой Синдзи-кун хоть иногда перекидывался несколькими словами. Можно сказать, близкий друг. Она да Нанасэ-нээсан – вот и весь круг общения. Потому – пусть веселится, а от меня не убудет. Не в том я возрасте, чтобы краснеть от невинных шуточек в стиле «когда вы уже наконец поженитесь» или «а вы уже целовались?». И вообще, я-то могу и встречную атаку провести – так сказать, в матримониальном стиле.

– Я думаю, мне нравятся женщины постарше, женщины, уже умудренные опытом и понимающие толк в отношениях. Женщины, которые могут многому научить молодого и неопытного человека... если вы понимаете, о чем я, Иноэ-сан... – протянул я, пытаясь изобразить бровями игривое «если ты понимаешь, о чем я». Иноэ-сан прыснула. Иноэ-сан захохотала. Иноэ-сан заржала в голосину, согнувшись и схватившись за живот. Некоторое время я наблюдал, как она хохочет, и гадал, нужна ли тут профессиональная помощь, или Иноэ-сан все-таки сможет оклематься самостоятельно.

– Уф... – сказала она, отдышавшись и помахав рукой перед покрасневшим лицом, – ну и повеселил ты меня сегодня.

– А вот это, между прочим, было обидно, – сказал я, ставя перед ней пакет с покупками. – Я рассчитывал на несколько иную реакцию.

– Ой, не смейся меня снова, Синдзи-кун. – Иноэ-сан несколькими быстрыми и выверенными движениями пробила мои покупки. – С тебя полторы тысячи йен.

– Да, конечно.

Деньги перешли из рук в руки, и Иноэ-сан протянула мне пакет.

– Спасибо вам, Иноэ-сан, – поклонился я.

– Погоди. Вот тебе еще, в подарок. Будет чем свою подружку угостить. – В пакет была дополнительно положена парочка бутылочек с каким-то напитком.

– Она не...

– Да, она не твоя подружка, я знаю, иди уже... Казанова... – и Иноэ-сан помахала мне рукой.

Я поклонился еще раз, взял пакет и вышел из магазинчика Тамагавы. Ая-тян ждала меня неподалеку, делая вид, что не смотрит в мою сторону и вообще меня для нее не существует. Тем не менее она пристроилась рядом, когда я проходил мимо.

– Это что еще за старуха? – спросила, когда мы уже завернули за угол.

– Где? – я сделал вид, что удивился, и начал озираться по сторонам. – Не вижу никого.

– Идиот! – Ая-тян сделала попытку ударить меня в плечо, но я легко ушел в сторону. – Я спрашиваю про эту старушечку в магазине!

– А, вот ты о чем... – я посмотрел на Аю и вздохнул: – Ну, видимо, нам придется расставить все точки над «i».

Действительно. В японском обществе почему-то очень популярны крайности. Или это в поп-культуре сперва стали изображать или супермачо, бросающего девушек, разбивающего сердца, эдакого донжуана и Казанову, самоуверенного самца, или же – другая крайность – такого тряпку-куна, готового терпеть любые унижения и издевательства. А потом общество подтянулось, и теперь девушки или заламывают руки и говорят «ах, он такой красавец!», или

включают стерва-мод «Бака! Идиот!». Вот у бедной Аи-тян шаблон и разорвало в клочки. Моя ж позиция абсолютно непонятна – вроде всю жизнь был тряпка-кун, а вроде и отстоял себя в поединке, веду себя уверенно, но опять-таки на роль школьного Казановы не тяну...

– Ая-чан, мне очень неприятно, когда ты проявляешь вербальную агрессию. И еще более неприятно, когда эта агрессия переходит в невербальную форму. Потому я искренне попрошу тебя больше так не делать.

– А... – на секунду опешила Ая-чан.

Я внимательно посмотрел на нее.

– И что же ты сделаешь, если я не прекращу... вербальную агрессию? – спросила она, слегка прищурившись.

– А ничего, – я пожал плечами. По-моему, это скоро станет моим фирменным жестом в этом новом мире. – Просто перестану с тобой общаться. Потому что мне будет неприятно это делать.

– Мне, между прочим, тоже было неприятно, когда ты там в магазине меня при этой... – Ая-чан нахмурилась и сложила руки на груди. – Вот.

– Ну да. Был неправ, признаю, перегнул палку, – согласился я. – Думал, будет весело, поддержишь шутку. Но не рассчитал.

– Хорошо, – серьезно кивнула Ая, – тогда и я не буду больше тебя так называть.

– И бить, – добавил я. Это важная часть.

– И бить, – согласилась Ая.

– Вот и договорились...

Мы подошли к нашему с Нанасэ-нээсан дому, и я достал ключи из кармана. Вернее – ключ. Замок в двери был всего один, и чтобы маленький плоский предмет не потерялся, Нанасэ-нээсан купила мне брелок. Ничего особенного, просто медальончик на цепочке с кольцом для ключа. На медальончике была изображена какая-то птичка. Я подкинул ключ на ладони и повернулся к Ая-чан.

– Зайдешь? – надо уже брать ситуацию в свои руки, в конце-то концов. Я без понятия, как надо вести себя в данном конкретном случае, а потому буду продолжать косить под идиота в социальном плане. По-моему, у меня неплохо получается.

– К сожалению, на этом мои обязанности заканчиваются. Спокойной ночи, Ямасита-кун, – церемонно поклонилась Ая-чан. Клянусь, я опять видел эти лукавые искорки в ее глазах. Эх, ну что же мы с Синдзи за бабники, а? Стоило разок пройтись до дома с девушкой, а уже начинается...

– Да, конечно, – сказал я и склонился в ответном поклоне, – этот день был честью для меня и всех моих предков. Спасибо за сотрудничество.

Ая-чан фыркнула, сдерживая смех в ответ на мою речь. Все-таки я что-то не так делаю. Щелкнул замок, и я остался наедине со своими мыслями.

Глава 4

Утром я проснулся от звона будильника. Странно. Будильник был поставлен на одно и то же время, на шесть утра, однако он никогда раньше не звонил, потому что Нанасэ-онэсан выключала его на минуту раньше и будила меня поцелуем в щеку и ласковым «Синдзи-кун, пора вставать, в школу опоздаешь...».

Может, потому Синдзи и любил эти утренние пробуждения, запах кофе и жареных тостов или яичницы, теплые губы на щеке, тихий утренний разговор на ничего не значащие темы, несколько минут наедине с онэсан – это было только его время. Нанасэ часто приходила домой поздно, когда Синдзи уже спал, но всегда вставала раньше его и успевала приготовить завтрак. Но сегодня завтрака не было.

Я встал, выключил надоевший будильник и заправил постель. Как говаривал адмирал Макартур, как бы ни сложился твой день, тебя дома будет ждать заправленная постель. Заглянул в комнату Нанасэ-онэсан, убедился, что ее футон был не расправлен. Приготовил себе яичницу, кофе с молоком, торопливо заглотнул все, оделся и ушел в школу.

Волюваться пока не о чем, думал я по дороге, подумаешь, не пришла домой, она в конце концов взрослая девушка, кстати, а сколько Нанасэ-онэсан лет? И почему даже в голове я зову ее онэсан? Ладно, я не знаю, сколько ей лет, но выглядит она лет на двадцать, хорошо, на двадцать пять максимум. Так вот, значит, она – взрослая девушка со своими потребностями, а сколько я ее знаю, она все время дома или на работе. Так что ничего удивительного, загуляла, наверное, немного, да с кавалером каким задержалась... – Тут на удивление внутри возмутился Синдзи-кун, протестуя. Ой, ладно, подумал я, поморщившись, просто на работе задержалась, без кавалеров, может, срочная командировка, да мало ли что. Кстати, а где она работает? Я покопался в памяти возмущенного Синдзи и понял, что о работе «сестренки Нанасэ» данный индивид не знает ничего.

Она работает где-то в пригороде, в районе Сейтеки, у нее очень хорошие отношения с ее начальницей, работа тяжелая, часто допоздна. Все. Да любой японец работает тяжело и допоздна, это ж черта японского характера. С другой стороны, если бы старшая сестричка Нанасэ уехала в командировку, она бы обязательно уведомила меня. И наверняка приготовила бы бенто – завтрак в коробочке. И кофе в термос налила бы. Потому как это в ее характере. Значит, будем исходить из того, что у нее не было такой возможности, например, срочная командировка. А телефон? Нет, в этой Японии еще нет мобильных у каждого встречного, но есть телефон у домохозяйки внизу, тихой старушенции на первом этаже. Пару раз Нанасэ предупреждала меня, что задержится на работе, через эту комендантшу.

Хорошо – подумал я, хорошо, произошло что-то экстраординарное, но пока паниковать рано. Да, рано, паниковать мы начнем, если Нанасэ-онэсан не придет завтра. И послезавтра. Вот тогда наступит время для паники и всего такого прочего, а пока надо идти в школу и исполнять свой долг самурая, пытаюсь не заснуть на уроках и произвести хорошее впечатление на учительский состав, по возможности не влипая в приключения.

Школьный день прошел, как и полагается школьным дням – неприметно и скучно. Разве что со мной рядом снова пристроилась Ая-чан, изображая из себя верного оруженосца при дворе короля Артура. Цудзи и его компания усиленно не замечали меня, исключив из круга своего внимания, я в свою очередь вел себя тише воды и ниже травы, исключая возможность придраться ко мне на пустом месте.

Так что школьный день прошел спокойно. По дороге домой ко мне снова пристроилась Ая-чан – молча, словно делала это всегда. Я также молча кивнул ей, и мы пошли, провожаемые взглядами школьных сплетников и сплетниц. Даже не хочу думать, что у них в головах второй день творится. На том же самом месте, где вчера мы встретились с Акаи, на меня напали. Без

предисловий, без каких-либо объяснений. Стремительная тень выскочила из-за угла и набросилась на меня с ударами. Я едва успел уйти в сторону, слава богу, что нападающий был большим приверженцем поп-культуры и сопроводил свой первый удар в прыжке боевым выкриком.

И потом – удар в прыжке, атака ногой в голову, вторая нога поджата, классический тоби Йоко гери, который так обожают все режиссеры и постановщики боевых сцен в фильмах про рукомашество и дрыгоножество. Такой удар виден за километр и получить его в голову можно только при условии, если реципиент – инвалид. И паралитик. Да, именно – слепой паралитик-инвалид. Даже Ая-чан отшатнулась, уловив движение краем глаза.

Я шагнул в сторону, заслоняя Аю-чан, пропустив удар влево. Тень встала на бетонное покрытие тротуара и сразу же нанесла несколько ударов, наступая. Опять классика, классика каратэ – двоечка, удар ногой, мае-гери, удар одноименной рукой – тцуки. Все достаточно быстро и по месту – если бы я стоял на месте, то мне бы попало и ногой, и рукой. Вот только желания стоять на месте у меня не было. Поняв, что опасность не угрожает Ае-чан, я отступил в сторону, закручивая оппонента и отводя его подальше от девочки. Как только мы отошли от нее на два шага, я метнул в своего противника портфель, который все еще держал в руке, и сразу же подшагнул вперед.

Тот поднял руки, отбивая портфель в сторону, но на какой-то короткий миг потерял меня из виду, а я ушел не просто вперед, а вперед-вправо, раскачивая маятник тела, и на обратном ходу маятника выбросил руку, сжимая кулак так, словно бы держал в нем кружку. Хук. Правый хук, всей массой тела в челюсть, которую здешние японцы так и не научились прикрывать, не научились качать маятник, сбивать прицел, потому что хороший хук нельзя заблокировать, хук проходит любой блок, пробивает любые подставки, дробит челюсти и роняет на колени. С невероятным удовлетворением я почувствовал, как мой кулак попал по месту, и противник, отшатнувшись, упал навзничь. Я шагнул к нему, все еще сжимая кулаки, адреналин в крови так и хлестал ведрами, руки дрожали и в коленях обнаружилась слабость. Чертово слабое тело, подумал я, чего ты дрожишь, как теленок на бойне, возьми себя в руки, прекрати трястись. Убедившись, что противник не собирается вставать, я закрыл глаза и, сделав глубокий вдох, с силой выдохнул. И еще раз.

– Ямасита-кун, – Ая-чан наклонилась над телом, – а почему Изаму-сан напал на тебя?

– Что? – я взглянул на поверженного противника. Да, так и есть, Изаму-сан, один из тройки «отшельников» нашей школы.

– Изаму-сан? – спросил я, увидев, как тот открыл глаза и начал оглядываться с недоуменным взглядом.

– Как меня... Ох! – схватился он за голову, потом скривился и осторожно потрогал челюсть, провел языком по губе. Губа треснула, и по подбородку побежала струйка крови.

Ая-чан безэмоционально протянула ему платок. Изаму некоторое время молча смотрел на протянутый платок, потом кивнул и взял его, вытер кровь, встал на ноги и отряхнулся. По его движениям было видно, что он вполне восстановился, контролирует свои движения, не шатается. Его глаза были ясные, без этой туманной поволоки, что бывает обычно у тех, кто еще не оправился от нокаута.

Я пошевелил пальцами правой руки и невольно поморщился. Опять сбил себе костяшки. Впрочем, учитывая мою, вновь приобретенную регенерацию, скорее всего они перестанут меня беспокоить уже через минуту.

– Ботаник-кун. Девушка Ботаника-чана. – Склонился в легком поклоне Изаму. – Прошу прощения, я не запомнил ваши имена. Меня зовут Изаму, я увлекаюсь боевыми единоборствами и мангой. У меня нет девушки и я вхожу в тройку «отшельников школы Сейтен» под именем Ягуар Сейтен.

– Меня зовут Сато Ая, и я не девушка этого... человека. Его зовут Ямасита Синдзи. Спасибо, – поклонилась в ответ Ая, видимо поняв, что у меня культурный ступор.

– Э... да, – сказал я, чувствуя себя глупо. От того, что стороны представились, ситуация не прояснилась ни капельки.

– А, почему... – начал я, но был перебит Изаму:

– И как один из троицы «отшельников школы Сейтен» я не мог пройти мимо удивительной метаморфозы, которая произошла с Ямаситой-куном, – кивнул Изаму. – Я провел исследование... – тут у него в руках появилась растрепанная тетрадка, и он торопливо перелистнул несколько страниц. – Ага, вот тут. Ты, Ямасита-кун, никогда не обладал никакими боевыми качествами, ни моральными, ни физическими. Однако позавчера ты надрал задницу этому мелкому Цудзи, который стал слишком много о себе думать. Конечно, для «отшельников» не составило бы труда разобраться с ним, однако ты сделал это так, словно у тебя опыт и сила десятка бойцов. Выяснив это и предположив, что произошедшее не может быть простым стечением обстоятельств, как это считает Акира, я решил проверить, на что ты способен. Как и следовало ожидать, в критической ситуации ты раскрыл свои способности. А потому я прошу тебя, Ямасита-кун, раскрой мне секрет твоего преобразования! – и тут Изаму выкинул номер, склонившись в низком поклоне «низшего к старшему». Я снова поймал культурный ступор, потому что вот такого точно не ожидал. Нет, ну всякое могло быть, от «я тебя еще поймаю» до «хорошо, я все понял, давай, до свиданья», но вот так...

– Синдзи... – тихонько прошипела за спиной Ая, и я понял, что с этим надо что-то делать. А именно – с Изаму-саном, склонившимся передо мной прямо на улице в глубоком поклоне.

– Э... да? – сказал я, соглашаясь «раскрыть секрет своего преобразования» и прекрасно понимая, что вру. Даже если бы я и рассказал свой настоящий секрет о том, что в тело Синдзи-куна вселился я, отживший свое мужчина из другого мира и времени, что бы это изменило? Мне бы никто не поверил, хотя вот этот Изаму, может, и поверил бы, у него точно голова мангой забита, этот во что угодно поверит.

– Большое спасибо! – выпрямился и улыбнулся Изаму. – Я ценю ваше доверие и рассчитываю на вас, сенсей!

– Да ладно. В общем и целом секрета-то никакого нет, – сказал я, поймав его вопросительный взгляд. – Это... просто влюбился я, вот. И Сила Любви, и все такое, и вот тут-то во мне и пробудилась сила невиданная и...

– погоди, – нахмурился Изаму, – ты же про бокс и про дядю говорил в первый раз...

– Ах да. Сила невиданная и техника диковинная проснулись во мне.

– А дядя?

– И дядя тоже проснулся.

– Где проснулся? – не понял Изаму.

– Да рядом. Недалеко живет, хочешь – покажу?

– Что-то мне кажется, что ты надо мной издеваешься... – снова нахмурился Изаму, – что за история такая, какой еще дядя, какая любовь?

– Вот именно! – вмешалась Ая-чан, встав между нами и уперев руки в бедра. – Что это еще за любовь? К кому? И как давно? И почему мне не сказал, я тут, понимаешь, хожу с ним туда и сюда, а у него любовь есть...

– Слишком много вопросов! – поднял я руки, сдаваясь. – Я не могу отвечать на все одновременно. Можно же задавать вопросы по одному? Один вопрос – один ответ.

– Научи меня технике бокса!

– Говори, кто твоя любовь! – выпалили одновременно Изуми и Ая-чан, переглянувшись и покачали головой.

– Хорошо, – сказал я, трусливо выбрав из двух вопросов тот, который сулил меньшие неприятности. – Хорошо, я покажу что-нибудь, покажу, что умею сам. Но многого от меня не жди, я не профессионал и, наверное, даже не любитель. Так, нахватался по верхам.

– Отлично. Надеюсь на тебя! – и Изаму снова склонился в своем поклоне, выпрямился и кивнул. – До встречи в школе!

– Ага! До свидания, – я махнул ему рукой вслед, стараясь не замечать замершую в молчаливом упреке Аю-чан.

– Итак? – спросила она меня, когда Изаму скрылся за углом.

Я подобрал свой портфель, укоризненно поцокал языком, стряхивая пыль и изучая царапины на потрепанном кожаменителе. (Мы с Нанасэ-онэсан против живодерства. А еще у нас слишком мало денег для покупки изделий из натуральной кожи.)

– Ну вот, – сказал я, – опять весь поцарапался. Как ты думаешь, Ая-чан, имеет смысл попросить Изаму-сана купить мне новый портфель, ну или хотя бы восстановить стоимость краски? Или как это – амортизация? Вообще непонятно, имеет ли портфель амортизацию? Должен иметь, как всякое имущество, которое подвержено износу. С другой стороны, все подвержено износу, даже моральные ценности. – Краем глаза я видел, что Ая-чан начинает закипать.

– Да, в какие времена мы живем, Ая-чан, во времена, когда моральные ценности и традиционные устои начинают изнашиваться, словно старый портфель. И это в славной стране Ямато, где скромность и отсутствие излишнего любопытства, а также желания влезть в чужие дела у девушек ценились испокон веку... – грустно покачал головой я.

– Р-р-р... – прорычала Ая-чан. – Ямасита-кун, ты испытываешь свою судьбу. И мое терпение.

– Которое, как я надеюсь, безгранично, как у всякой настоящей дочери Ямато, истинной Ямато Надешико, и не позволит перейти границы дозволенного и начать вести себя... не как подобает дочери Ямато и...

– Вот ты у меня допросишься, Синдзи-бака!! – Ая-чан начала багроветь, и я поднял руки, сдаваясь.

– Хорошо, хорошо. Что ты хотела узнать, Ая-чан?

– Что у тебя за любовь? – Ая определенно не стала ходить кругом да около.

– Да нет у меня никакой любви, Ая-чан. Просто так сказал, сам сейчас жалею. Думал хоть немного Изаму отвлечь. А что, любопытно? – я прищурил глаза, и Ая фыркнула.

– Вот ещё! Глупости. Ни капельки не любопытно. Пусть у тебя хоть с кем будет любовь. Мне-то какое дело. – Она решительно отвернулась и зашагала прочь.

Я посмотрел ей вслед и покачал головой. Судя по всему, сегодня Ая-чан до дому меня провожать не будет. Я вздохнул и направился домой. Заходить в магазинчик Тамагавы по пути не стал, продуктов было достаточно, и обычно Нанасэ-онэсан просила меня что-нибудь купить, но не сегодня. Да, сегодня она не ночевала дома, наверное, сейчас уже готовит что-нибудь, например, любимый Синдзи мисо-супчик или рис с карри. Я ускорил шаг, предвкушая тихий семейный вечер с Нанасэ-онэсан. На перилах тихо сопел Поно-кун, соседский рыжий кот, который в ответ на мое «Конничива, Поно-кун!» удостоил меня равнодушным взглядом и лениво махнул хвостом – дескать, ходят тут всякие. Оно и понятно, сегодня, как и вчера, я забыл отдариться рыбьим хвостиком. Надо бы не забыть завтра заскочить к Тамагаве за лакомством для Поно-куна.

Дом встретил меня пустотой и холодом. Не пахло мисо-супом, не горел свет, не булькала в кастрюле рыжеватая смесь карри, не стояли в прихожей любимые туфли-лодочки Нанасэ-онэсан. Ее не было. Не было ее сумочки, не было ее легкого пальто на вешалке, не было даже ее запаха, едва уловимого сладкого аромата кокосового масла. Словно бы и не было никогда.

Я помотал головой. Так. Надо собраться. В конце концов, я не брошенный одинокий подросток, а мудрый старый змей в шкуре этого самого подростка. И если обстоятельства вокруг могут быть разными, то внутреннее «я» у меня остается прежним, да и выбрать, как относиться к этим самым обстоятельствам, я могу самостоятельно. Найти плюсы в отсутствии сестренки

дома и наличию на работе. В конце концов она взрослая девушка и в состоянии позаботиться о себе сама, так? А у тебя, Синдзи-кун, целый вечер в одиночестве, так что ты вполне можешь сразу расстелить futon и валяться на нем, рассматривая свои журналы с полуголыми красотками, поедая креветочные чипсы прямо из пакета (Нанасэ-онээсан настаивала, чтобы чипсы перекладывали в прозрачную чашку с изображением цветущей сакуры) и включив телевизор на полную громкость. Хорошо, может, не на полную, но хотя бы наполовину. Стены в квартире были чисто символические, и, если лежать в тишине и немного напрячь слух, можно было запросто услышать, как у соседей глуховато ворчит радио и даже тикают механические часы. Что уж тут говорить о разговорах.

Японцы – удивительные люди, они настолько уважают личное пространство каждого, а при этом, как правило, этого личного пространства тут практически нет. Стены чуть ли не из бумаги, на улицах и в общественном транспорте все битком, в кафе столики впрытык. В результате японцы научились, как это – «не лезть не в свое дело», заниматься своим и не замечать чужого. Тут есть и перегибы: что бы ни происходило за стенкой – соседи предпочтут этого не замечать. Потому что их это не касается. Или обилие извращенцев в общественном транспорте в час пик, так и норовящих прижаться к упругим попам школьниц или студенток, тоже все старательно делают вид, что не видят. В свою очередь школьница или студентка, подавленная этой культурой всеобщего игнорирования, тоже изо всех сил делает вид, что не чувствует и не видит ничего. Но вот если на это будет обращено внимание, тогда да, заработает полиция и найдутся свидетели, потому что это правильно. А вот спросите у них – вы же видели, так почему ничего не предприняли? – будет ступор. Потому что общепринято же не замечать того, что тебя не касается. По-моему, у некоторых тут это просто на уровне подсознания, эдакое туннельное зрение. Ладно, решение принято – не буду паниковать, а если и завтра Нанасэ-онээсан не будет дома с утра, пойду ее искать, да.

Глава 5

Поиски Нанасэ-нээсан я начал с магазинчика Тамагавы. За прилавком на этот раз стоял сам Тамагава-сан, сухой и крепкий японец неопределенного возраста. То есть вполне себе определенного, конечно. Тамагаве-сану недавно исполнилось семьдесят, но по его внешнему виду никто не дал бы ему и пятидесяти лет. Он хмурился, сбивая пыль с верхних полок полотенцем, обмотанным вокруг какой-то палки.

– Доброе утро, Тамагава-сан, – я обозначил поклон. Конечно, я ростом мал, социальным статусом не вышел и вообще сопляк, но все-таки клиент. Поэтому такой поклон. Хотя я наверняка лажанулся где-то, вон и старик на меня смотрит как-то... косо.

– Хэ-эх... – сказал Тамагава-сан и, не торопясь, слез с табурета, отложил палку с намотанным полотенцем в сторону и кивнул мне – мол, продолжай.

– Извините за вторжение и назойливость, но у меня тут сложилась ситуация... – и я в нескольких словах объяснил старику, что моя сестренка Нанасэ пропала куда-то, и вот уже второй день, а я знать не знаю, где она работает и кем, и номера телефона нет, а я беспокоюсь.

Взгляд старика посуровел, и он поднял глаза вверх, хмыкнул и потянулся куда-то за прилавком. Из-под прилавка старик вытянул здоровенный леденец, закрученный разноцветной спиралью, и торжественно вручил мне. Я принял леденец и уставился на него в состоянии легкого обалдения. Зачем мне леденец? Если, конечно, это не мистический Леденец Указания Местопребывания Нанасэ-онээсан. Я перевел взгляд на старика Тамагаву. Тот хмыкнул и показал мне большой палец, мол, все в порядке, малец, ешь и радуйся, от щедрот, так сказать. Я закатил глаза и отложил леденец в сторону.

– А Иноэ-сан сегодня работает? – вежливо уточнил я, поняв, что диалог с самим Тамагавой... непродуктивен.

– О! Кто пришел в наш скромный магазинчик! – раздался веселый возглас откуда-то сзади, и я вздохнул с облегчением. Обернулся.

В дверях стояла Иноэ-сан, в руках она держала кучу каких-то коробок, сзади из-за ее плеча выглядывала любопытная физиономия курьера, Обито, безобидного паренька, живущего у нас по соседству.

– Иноэ-сан, позвольте я вам помогу! – я метнулся к ней, подхватывая выпадающие из ее рук коробки.

– Какой джентльмен! Ара-ра... недаром ты похититель сердец невинных дев, Казанова и дон Жуан нашего квартала.

– Иноэ-сан... – я снова закатил глаза.

– Представляешь, Обито-кун, этот вот мелкий хвостик недавно пришел в наш магазинчик с такой вот меленькой очаровашкой. Кawaii! – Иноэ-сан сноровисто пристроила коробки на прилавок и обернулась ко мне. За ее спиной Обито занес остальные коробки, придерживая дверь локтем. Проходя мимо, он улыбнулся мне и кивнул. Я кивнул в ответ. Все-таки соседи, ну и, кроме того, от самого Обито я ничего плохого не слышал. Честно говоря, ничего хорошего тоже, но парень он был тихий и скромный, порой даже застенчивый. Вот и на этот раз, услышав невинные подколки Иноэ-сан, он даже немного покраснел и взглянул на меня с плохо скрываемым сочувствием.

– Это была одноклассница, и она ко мне равнодушна, – сказал я, чувствуя себя предельно глупо. Моему нынешнему телу шестнадцать лет, но мой разум намного старше, и почему я должен оправдываться перед Иноэ-сан, пытаюсь откреститься от воображаемых отношений с одноклассницей?

– Ну ладно, – я пожал плечами, – не об этом речь. Я пришел попросить вас о помощи, Иноэ-сан.

– Арара... милый Синдзи-куун хочет спросить совета у такой зрелой и привлекательной девушки, как я. Тебя интересуют секреты отношений и что делать на первом свидании? Или ты хотел бы провести тренировку со старшей девушкой, перед тем как соблазнить свою одноклассницу? – Эта чертовка еще и подмигнула мне, сделала вид, что смущается, прижала ладонь ко рту – «боже, как я могла это сказать» и изогнулась в талии. Краем глаза я увидел, как лицо Обито вспыхнуло и зарделось всеми оттенками красного, и он вылетел в дверь магазинчика, буркнув что-то вроде «досвиданияспасибоизвините». Колокольчик на двери возмущенно затренькал вслед сбежавшему с поля боя.

– Это, безусловно, очень интересное предложение, и я обязательно воспользуюсь им в подобающее время. Лет через пять, – сказал я.

– Ах ты негодник! – Иноэ-сан схватила палку с обмотанным полотенцем и замахнулась на меня.

– Хм-мх, – хмыкнул Тамагава-сан, и Иноэ тотчас спохватилась.

– Так что ты хотел спросить, негод... Синдзи-кун? – спросила она таким ласковым голосом, что даже самый последний чурбан уловил бы что-то неладное.

– Нанасэ-онэсан пропала, – объяснил я, – второй день дома не ночует. А это необычно. То есть она если и идет куда-то с коллегами в бар по пятницам, так она предупреждает меня. А тут...

– Два дня? – лицо Иноэ-сан преобразилось. Шутливую ярость и бесшабашность как рукой сняли. Передо мной стояла очень серьезная Иноэ-сан.

– Да. А я, так случилось, что не знаю, где она работает. Как-то... не интересовался, что ли... – тут я чувствовал себя неудобно. Неловко. Самый близкий тебе человек, единственный, кто заботится о тебе, зарабатывает деньги, кормит и поит тебя, а ты не знаешь, где и кем она работает. Вот что за идиот этот Синдзи. С другой стороны, я и сам в этом теле уже несколько недель, мог бы и поинтересоваться. Так что оба хороши.

– Не знаешь, где она работает?

В глазах Иноэ-сан что-то мелькнуло. Будь я Синдзи, наивным школьником с неврастеньей, больше всего заботящимся о том, что о нем подумают окружающие, я бы и не заметил. Но за всю свою предыдущую жизнь я не раз видел такое. От меня пытаются что-то скрыть, причем не слишком умело.

– А я... эм... и сама не знаю, где работает Нанасэ-сан, – сказала Иноэ-сан, пытаюсь заправить назад непослушную прядь волос, – но, но я спрашиваю, вот. Ты лучше скажи, у тебя покушать-то есть? Может, тебе денег надо? Вот возьми, купи себе что-нибудь, да и у нас можешь продукты брать, пока она не вернется. – И она попыталась всучить мне несколько смятых бумажек достоинством в десять тысяч иен. Для школьника – сумма немалая, но я отказался.

– Деньги у меня есть, Иноэ-сан, сестренка оставила. Мне главное ее найти, убедиться, что с ней все хорошо.

– Да ты не переживай, Синдзи-кун, что с ней станется, – немного нервно улыбнулась Иноэ-сан, а старик Тамагава за ее спиной хмыкнул.

– Деда, – обернулась та, – прекрати! – Снова ко мне: – Не обращай внимания, он вечно всякую чушь говорит. Совсем уже...

– Так что мне делать-то? – спросил я.

– Возьми себе что-нибудь покушать, на вот. – Иноэ-сан убрала деньги в карман и всунула мне в руки большую коробку с подарочным бенто на две персоны: – Иди домой, поешь и ложись спать. Я узнаю, что там и как, и потом тебе расскажу. Ты, главное, не волнуйся, Синдзи-кун.

– Эм... хорошо, – я кивнул, позволив Иноэ-сан впихнуть мне помимо бенто еще и две бумажки по десять тысяч иен, попрощался со стариком Тамагавой и вышел из магазина. Это же так удобно – позволить кому-то еще заниматься проблемой, верно, Синдзи-кун? Уйти домой,

вкусно покушать, купить по дороге на деньги Тамагавы себе мороженое или пирожные моти, поваляться в кровати, да? Так вот, это не так. Такими делами надо заниматься лично. Иноэ-сан явно знает больше, чем говорит, да и само по себе странно, что она спешит заниматься чужими делами. Еще и деньги эти впихнула... так поступают, когда угрызения совести мучают. Но какие могут быть общие дела у Иноэ-сан и Нанасэ-онээсан?

Я завернул за угол, убрал коробку с бенто в рюкзак и задумался, не выпуская вход в магазинчик Тамагавы из виду. Нанасэ-онээсан всегда одевалась на работу так, как и миллионы других японцев – деловой костюм, белая блузка, юбка-карандаш, пиджак, туфли на плоском каблуке, минимум косметики. Единственное, что можно было вывести из ее манеры одеваться – то, что она принадлежала к «белым воротничкам», а не «синим». Но «белых воротничков» в Японии миллионы. Все эти клерки, менеджеры, секретари, компьютерщики, работники отделов, юристы, мерчендайзеры и прочие. Что же касается остального... Нанасэ редко говорила о работе. Да, иногда по пятницам она вместе с коллегами отправлялась в бар, но предварительно всегда предупреждала об этом.

Я так понял, что такие вот попойки в Японии вообще что-то вроде упражнений на сплочение коллектива, обязательны к посещению и соответствующему поведению на них. Так что и этот факт не может служить к идентификации места работы. Конечно, можно пойти и обратиться в полицию, благо участок рядом, даже не участок, а скорее стационарный пост – небольшая комнатуха с большими окнами, выходящими на дорогу, где все время сидел сонный Ватанабе-сан – местный аналог участкового. Однако я сильно сомневался, что полиция воспримет всерьез панику мелкого пацана из-за того, что его старшая сестренка два дня дома не ночевала.

Да и есть у меня подсознательное недоверие к полиции, частично свое собственное, частично от Синдзи-куна. Поищем пока сами. С другой стороны, если ситуация не изменится, то обращаться в полицию придется. Официальное расследование в конце концов разберется, где кто работает и куда исчез.

В этот момент дверь магазинчика открылась и из нее выскочила Иноэ-сан. Она переоделась и сейчас выглядела совершенно по-другому – такой подчеркнуто деловой стиль.

– Интересно, и куда это вы так заторопились, Иноэ-сан? – вслух произнес я, подождав, когда девушка скроется за углом, и двинулся следом. Вот чего не умею совершенно, так это наружное наблюдение осуществлять или по-простому – изображать «хвоста». Все эти хитрости с отражениями в стеклах витрин, «слиться с тенью» и прочие шпионские игры – это не мое. Не был, не привлекался, не участвовал. С другой стороны, и Иноэ-сан от меня такой подянки не ожидает, полагая, что я сейчас спокойно валяюсь дома на футоне, поедая мороженое и запивая какой-нибудь газировкой из банки жутко-кислотного цвета. Они тут все такие, сговорились производители, что ли? В любом случае Иноэ-сан – это тебе не какой-нибудь агент два ноля или вор в законе, слежки за собой она не предполагает, а потому и спалиться я могу только в том случае, если попадусь ей на глаза. То есть если она наткнется на меня.

Потому я держусь на некотором удалении сзади и иду неспешным шагом, делая вид, что все так и задумано. Уверен, что мои навыки слежки вызовут приступ гомерического смеха у специалистов своего дела, но ведь у нас тут не шпионский детектив со всеми подобающими клише, верно? Удивительно, но Иноэ-сан все-таки пару раз оглянулась, словно бы проверяя, не следит ли кто за ней. Я спрятался за подвернувшийся столб, выглянул снова. Если бы Иноэ-сан отправилась к остановке общественного транспорта, у меня были бы проблемы – я понятия не имею, как попасть с ней в один автобус и в то же время не привлечь ее внимания. Однако Иноэ-сан решительным шагом направилась к выходу из квартала, по пешеходному переходу пересекла дорогу, нырнула под арку и проследовала далее. Я следовал за ней.

Через пару кварталов Иноэ-сан исчезла из виду. На пару секунд я потерял ее за проезжающим автобусом и вот теперь не мог найти взглядом. Я огляделся. Квартал был явно тор-

говым, везде и всюду стояли киоски или маленькие магазинчики, из-за рекламных вывесок не было видно стен зданий. Всюду сновали люди, тротуары были просто забиты ими. А ведь сегодня будний день, подумал я, да и время не такое уж и позднее – пять часов дня. Понятно, я попал в квартал, где уставшие японцы развлекаются и отдыхают. Синдзи-кун был без понятия, как именно отдыхают и развлекаются взрослые японцы, однако сомневался, что отдых взрослых японцев чем-то кардинально отличался от отдыха во всем остальном мире. Вот к бабке не ходи – азартные игры, горячительные напитки и знакомства с противоположным полом. Иноэ-сан исчезла из виду где-то между павильоном с игровыми автоматами пачинко и «пик сарун» – массажным салоном. Ну, как массажным – массаж там тоже делают, однако в основном концентрируются на определённых частях тела. Проституция в этой Японии (как и в моем мире) формально запрещена, однако к многочисленным «массажным салонам», «клубам свиданий», а также «особому сервису в онсэнгах» полиция предпочитает не приглядываться слишком близко.

Так, даже выражение «подводница» здесь означает девушку, которая зарабатывает себе на жизнь именно проституцией, а не проходит службы на подводной лодке Сил самообороны Японии. Тьфу ты, тут нет никаких Сил самообороны, тут есть Его Императорского Величества флот. В том числе и подводный, и даже с атомными ракетносцами класса «Самурай».

То же самое и с казино – формально азартные игры на денежные призы запрещены, но местные предприимчивые ребята обошли запрет очень просто и даже не сильно стараясь – они выдают за выигрыш какие-то купоны, которые тебе меняют на какие-то безделушки в кассе, а тут же за углом эти же безделушки у тебя выкупают за номинальную стоимость. Опять-таки вроде и закон не нарушен, и люди довольны. В моем мире за таким вот безобразием и внешним бардаком всегда стояла очень организованная преступность, и глупо полагать, что в этом мире все по-другому. Мир, может, и поменялся, но вот люди вокруг меня – они все те же.

По воспоминаниям Синдзи из кино и книг, а также обрывков разговоров знаю, что в этом мире тоже есть якудза. Так что глядя на массажный салон и павильон игровых аппаратов, я примерно представлял, кто за этим стоит. Но неужели моя милая Нанасэ работает в казино или, того хуже – в массажном салоне? Быть не может. Я огляделся по сторонам и, вздохнув, выбрал сперва павильон с автоматами пачинко. Внутри было шумно, гремела какая-то музыка, какие-то звуки издавали игровые аппараты, что-то выкрикивал тонкий девичий голос из динамиков, пахло куревом и алкоголем. Я огляделся по сторонам и направился к кассе, за которой сидела разбитная девица с ярко-синими волосами и татуировкой на шее.

– Извините, что отрываю вас от ваших дел, – вежливо поклонился я, пытаюсь говорить достаточно громко, чтобы меня было слышно, но в то же время не так громко, чтобы показалось, что я кричу на нее. Девица оторвалась от разглядывания своих разноцветных ногтей, окинула меня оценивающим взглядом и прыснула.

– Мальчик, ты не туда зашел, – сказала она, – аркадные автоматы через два здания дальше. Здесь играют взрослые дяди и тети. Ступай себе, – она помахала рукой в воздухе, показывая, куда мне надо было, по ее мнению, ступать и с какой скоростью.

– Извините, – я достал из внутреннего кармана пиджака мятую фотографию Нанасэ-онэсан, которую вынул из рамки, которая стояла дома на полке. На фото Нанасэ и я стояли рядом, одетые в кимоно, а у меня в руке был огромный леденец. Синдзи-кун помнил момент, когда было сделано это фото, это был летний фестиваль, Нанасэ отпросилась с работы, и они провели вместе весь день, дурачась и развлекаясь.

А леденец, кстати, Синдзи так и не доел, уж больно большой тот оказался. И вообще, сам Синдзи от этого леденца смущался, потому что (как он сам считал) он уже не ребенок, чтобы вот так вот ходить на летний фестиваль со старшей сестрой и леденцом. Но глядя на умоляющее лицо Нанасэ, уступил и сфотографировался с этим огромным сахарным безобразием в руке.

– Извините, вы не знаете эту девушку? – спросил я, показав фото разноцветной девушке. Та взглянула на фотографию и пожала плечами.

– Что-то не припомню, хотя лицо знакомое. Погоди-ка... – она привстала и крикнула куда-то в зал: – Торики! Позови этого ленивого засранца из кладовой! – и уже обращаясь ко мне: – Спроси у Гендзи, он может знать. А тебе это зачем?

– Это моя сестренка Нанасэ, она дома второй день не появляется, – объяснил я ситуацию.

– О... ну это вряд ли. У нас тут, как правило, мужчины играют, но мы следим, чтобы никто на сутки не задерживался и много денег не проигрывал, – покачала головой разноцветная девушка. – Тут же все свои и всех знают. Так что не тушуйся, если она здесь бывает, Гендзи точно ее узнает. – Глядя в мои ничего не понимающие глаза она пояснила: – Гендзи – мой старший брат, он здесь работает, а меня посадил на пару минут, пока он в кладовой товар принимает. Меня, кстати, Камико звать, а тебя как?

– Ямасита Синдзи. – Я поклонился.

Камико еще раз прыснула.

– Ты ведешь себя как иностранец, – сказала она, – точь-в-точь.

– Что тут такое? – откуда-то из-за стены появился мускулистый парень лет двадцати пяти, одетый в спецовку, на ходу вытирая руки какой-то замызганной тряпкой. – Тебя уже на минуту оставить нельзя...

– Уже полчаса прошло, как ты ушел. И я не отлынивала, тут дело срочное. Вот этот пацан свою сестренку потерял, вот и фото принес показать, – закулила Камико.

Я хмыкнул, дело-то понятное, оставили эту оторву на хозяйстве, а ей скучно, вот любому поводу отвлечься и рада.

– Фото? Дай-ка гляну, – парень вытер ладонь и аккуратно взял фотографию за краешек. Посмотрел, нахмурился, глянул на меня.

– Ты вот что, парень, постой-ка здесь пока, – сказал он, делая жест Камико, чтобы та проследовала за ним.

Я нахмурился, не понимая ситуации. Парень вместе с Камико отошли немного в сторону, и он что-то сказал ей, вернул фотографию и повернулся ко мне.

– У нас такой не было, – сказал он, глядя немного в сторону, – но я могу быстро поспрашивать в округе. Тут рядом есть бар, по-моему, там я видел девушку, похожую на твою сестренку. Ты просто постой тут, поговори с Камико. – Он тут же исчез за перегородкой.

– Итак... – произнесла девушка, – о чем мы с тобой говорили?

– Странно... – пожал плечами я. – Этот твой Гендзи фотографию с собой не взял. Как он будет спрашивать там? Кроме того, не стоило беспокоиться, сказали бы, где этот бар, я бы и сам поспрашивал.

– Ты что?! – Камико сделала круглые глаза. – Туда тебя не пустят, ты же ребенок еще! Там это... спиртное продают и вообще. Пусть Гендзи-бака сам все выяснит, ты просто тут постой пока.

– Ага, – кивнул я, делая вид, что поверил в эти нехитрые оправдания. Спиртное продавали и тут, в помещении стоял стойкий дух алкоголя, вернее, даже не алкоголя как такового, скорей тот запах, который появляется в обычных дешевых забегаловках, в которых годами пьют дешевое пойло, а периодически еще и проливают его на пол, на барную стойку, блюют и курят вонючие сигареты – тот самый запах затхлости и несвежести, который ни с чем не перепутаешь, если хоть раз жизни бывал в таком заведении.

И да, Камико ничего не сказала о том, что ее брат не взял фото. Тут он прокололся, да, ведь если бы он в первый раз в жизни видел Нанасэ, он бы взял фотку с собой – показать. Но если он не взял фото, значит, он на самом деле знает ее лично. Вопрос: зачем скрывать это от ее младшего братика? Ответ лежит на поверхности, и он мне не нравится. Я вздохнул и повернулся к Камико.

– Гендзи-сан знает Нанасэ-онэсан? – спросил я в лоб.

– Что? Как ты мог... – Лицо девушки дрогнуло.

Я вздохнул. Время следующего вопроса.

– И Нанасэ-онэсан работает в массажном салоне по соседству?

– Нет! Что за... – Камико попыталась взять себя в руки, но я уже все понял.

– Ясно. – Я вздохнул и поджал губы. – Вовсе не обязательно было скрывать это. Я бы все равно узнал, рано или поздно. Меня, честно говоря, интересует только ее благополучие. Жива она или нет, вот что главное.

– Должна быть жива, – поспешила утешить меня Камико, – да что с ней может случиться.

Эти салоны очень хорошо охраняются. Местная семья Кодзима приглядывает за ними.

– Семья? – я покивал головой. Якудза.

– Да, они помогают всем в округе. Мы тоже с ними работаем, – легко сказала Камико. – Джиро-сама очень справедливый и уважаемый человек.

– Вот как.

– Да, поэтому можешь не опасаться за свою сестренку, она наверняка в безопасности, – закивала Камико. – А ты в какой школе учишься? А какой класс? Может, кто-нибудь из девочек нравится?

– Я... – начал было отвечать я, но потом передумал. Смысла в этих вопросах не было, просто девушка попыталась меня отвлечь от невеселых мыслей. И я, конечно, был за этой ей благодарен, вот только невеселые мысли у меня были вовсе не по тому поводу, о котором думала эта разноцветная красавица.

– Слушай, спасибо тебе за все. – На этот раз я не стал кланяться, надоело уже. – Но я лучше пойду. Поинтересуюсь там на месте, как дела и где она.

– Да погоди ты! Тебя туда точно не пустят, а сестренке своей только хуже сделаешь, – сказала Камико. – Гендзи сейчас все узнает и вернется. А... вот и он. – И точно, ее брат снова возник из-за перегородки, на этот раз уже без тряпки и с относительно чистыми руками.

– Там... тут такое дело, малой... – начал он было издалека, но Камико махнула на него рукой. – Гендзи! Пацан уже все знает. Догадался. Умный он у нас, чтоб его.

– А? Ну и хорошо, значит. – Гендзи явно обрадовался, что не придется придумывать теории заговора. – Сеструха твоя в больничку попала вчера, но ты не бзди, ничего серьезного, и там все оплачено, Джиро-сама лично позаботился. И того щегла, что тут беспорядок учинил, уже проучили, так что все путем. Телефона твоего у девчонок не было, вот и вышла неразбериха. Ты, если все знаешь, так иди с Нода-сан поговори, она тебе сама все и расскажет.

– Это та самая драка, вчера? – У Камико округлились глаза, а ее брат коротко кивнул. – А, ну тогда понятно.

– Спасибо. – Я коротко поклонился и метнулся к выходу.

Камико что-то крикнула мне вслед, но я уже был у дверей. В голове всплыли самые невероятные и ужасающие картины – Нанасэ с лицом, сожженным кислотой, с переломанными руками и ногами, с ножевыми ранениями и ожогами от сигарет. Клянусь всеми богами этого мира, если это так, я лично убью каждого мерзавца, посмевшегося поднять руку на мою сестренку.

Пусть она не кровная родня, но это единственный человек в этом мире, который все это время думал и заботился обо мне, вернее о Синдзи. И она делала это бескорыстно, она тратила свои деньги, заработанные нелегким трудом, на мальчика, уже подростка, которому ничего не должна. И она любила его, она вставала рано утром каждый день, зажигала плиту, ставила чайник на огонь, чтобы у него был завтрак, чтобы с собой было бенто или карманные деньги на покупку обеда в школьной столовой. Она стирала ему одежду, спускаясь с корзинами вниз, туда, где в подвале здания стояли старые, обшарпанные стиральные машины, гладила брюки и рубашки, чтобы он не выглядел в школе как неряха, читала ему книги и рассказывала исто-

рии на ночь. И всегда старалась сделать ему какой-нибудь приятный сюрприз, а по выходным ходила с ним в парк гулять, хотя я, как бывший взрослым, прекрасно понимаю, что больше всего на свете ей, наверное, хотелось лечь и уснуть. А от того, что я понял, какая у нее была работа и как именно Нанасэ-онээсан зарабатывала на жизнь, от этого мне стало еще хуже. Я не помнил, как открыл дверь в массажный салон и оказался лицом к лицу с Нода-сан.

– Здравствуй, Синдзи-кун, – сказала она.

Глава Б

Нанасэ-онээсан лежала на больничной койке, и ее лицо было бледным и осунувшимся. Я сидел рядом и держал ее за руку. Никто не был виноват в случившемся – никто не напал на нее специально, никто не обливал ее кислотой, не бил палкой или ножом, не пытал и не избивал. Просто она оказалась не в том месте и не в то время. Вот и все.

Причуды этого нового мира открылись мне с другой стороны, ведь в своем мире инциденты и несчастные случаи означали, что кто-то не справился с управлением автомобилем и вылетел на обочину или встречную полосу, взорвался газ, рухнул незакрепленный груз с высоты или замкнула проводка. В этом мире к этому списку добавилась еще одна причина. Маги. Или паракхуманы. Или супера. Неважно как их называть, здесь их зовут магами, а как по мне, они как раз сверхлюди или люди с паранормальными способностями.

И вот вздумалось двум таким вот личностям столкнуться в скромном массажном салоне. Кстати, Нанасэ-онээсан не была проституткой. Да, она работала в салоне, но чем-то вроде администратора и завхоза. Заместитель самой Нода-сан. Нода-сан и рассказала, как все произошло. Кроме Нанасэ пострадали еще две девушки, пострадали серьезно, а потому у Нода-сан и не нашлось времени найти телефон домохозяйки-комендантши Нанасэ и предупредить меня.

– Извини, Синдзи-кун, – склонилась она передо мной в глубоком поклоне, – недоглядела, не успела вовремя. Моя вина, что не известила тебя о произошедшем. Уверю тебя, что информация обязательно поступила бы в ближайшее время, я уже попросила Майко-тян позаботиться о тебе. – Она разогнулась, и я впервые за все это время выдохнул. Нанасэ жива, а остальное как-нибудь образуется.

Хозяйка салона и подруга Нанасэ (как она сама сказала) Нода-сан была довольно привлекательна. Конечно, Синдзи-кун никогда не оценил бы и даже не понял бы красоты зрелой, уверенной в себе женщины, но я-то видел и понимал, что за каждым словом и жестом этой Нода было знание себя и окружающих, заработанное нелегким путем, выстраданное личным опытом. И такие люди словами не бросаются. Даже если их собеседник – всего лишь подросток, вчерашний ребенок.

Она объяснила мне все, что смогла, вручила мне деньги (зарплата Нанасэ – сказала она) и передала меня под опеку Майко-тян – милой и улыбчивой девушки. Майко-тян (которая для меня будет Майко-сан или даже Майко-сама, хах) сразу же вызвала такси, и мы приехали в больницу, где она решительно пробила мне белый халат и пропуск посетителя, где-то улыбаясь и кивая, а где-то подпустив в голос стали «Джиро-сама обязательно об этом узнает, хах!». И вот я сижу рядом с кроватью и держу Нанасэ за руку. Майко деликатно осталась за дверью, вручив мне сумку с гостинцами (и откуда только взяла).

– Не переживай, – сказала мне Нанасэ-онээсан с немного виноватой улыбкой, – со мной все в порядке, Синдзи-кун.

Я кивнул, сглотнув ком, подступивший к горлу

– Нет, правда. Врачи говорят, ничего серьезного, завтра уже выпишут. Нода-сан сказала, что я могу отдохнуть две недели и даже зарплату выплатит. Джиро-сан оплатил больничные счета и страховка тоже будет. Так что... – она не закончила, как поддавшись внутреннему порыву, я подался вперед и обнял ее. Она затихла и тоже обняла меня, и я вдруг понял, насколько она ослабла, ее руки у меня на спине были словно две легкие паутинки.

– Никакие деньги мне не нужны, – сказал я, сдерживая слезы, – никакие деньги. Мне нужна ты, Нанасэ.

– Не надо, Синдзи, ну прекрати, ты меня раздавишь... – сказала она, продолжая обнимать меня. Ее тело задрожало, и я почувствовал, что она всхлипнула. И так мы сидели, обнимаясь

и всхлипывая друг другу в плечо. Немного успокоившись, Нанасэ отстранилась, утерла слезы и взглянула на меня.

– Какой ты стал большой. Настоящий мужчина.

– Ну вот еще. – буркнул я, тоже вытирая слезы из глаз и стараясь сделать это незаметно.

– Большой, правда. Повезет девочке, которая будет твоей невестой. – Она грустно улыбнулась и даже сделала попытку подмигнуть.

– Ага, конечно. Ты лучше за собой следи. Выздоровливай.

– Буду. Обязательно буду. А как только выздоровею, мы с тобой пойдем в парк гулять, и я куплю тебе все, что захочешь. Обещаю! – она откинулась назад на подушки и облегченно вздохнула. Все-таки досталось ей, подумал я, легко устает, все ресурсы организма направлены на исцеление, хватит ей на уши приседать, дай человеку отдохнуть.

– Ну, в общем, я пришел сказать, чтобы ты не беспокоилась, деньги у меня есть, с голоду не помру, в школе все хорошо, учусь понемногу.

– А как ты дома один будешь? – нахмурилась Нанасэ. – Я, наверное, скажу кому-нибудь, чтобы...

– Да не один я... Мне Нода-сан приставила телохранителя.

– Телохранителя?

– Да, телохранителя и няньку и надзирателя. Майко-сан.

– А-а-а... эту Майко... – Нанасэ сперва нахмурилась, подумала о чем-то, потом ее лоб разгладился, и она кивнула: – Хотя Майко, наверное, будет в самый раз.

– Наверное, – пожал плечами я. Зачем мне нужна Майко, я и сам не понимал. Ну один, и что? Готовить я умею, продукты купить в магазинчике Тамагавы у Иноэ-сан как-нибудь смогу, в школу хожу и, вообще, самостоятельно завязываю шнурки и могу перейти улицу. Однако Нода-сан была непреклонна.

И действительно, Майко-сан проводила меня до больницы, договорилась, чтобы меня пропустили, купила гостинцев для Нанасэ, тут же по телефону договорилась со школой о том, что я пропущу один день (а тут с этим строго). Незаменимая девушка. Что-то вроде Аи-чан, только от Ноды-сан. И уверен, Майко не будет обижаться на Иноэ-сан, если зайти с ней в магазинчик Тамагавы.

– Ты ее слушайся, – добавила Нанасэ: – Майко, она хорошая. Странная немного, но хорошая.

– Да, конечно...

В этот момент в палату зашла медсестра и, сделав возмущенное лицо, стала выгонять меня в коридор, мол, больной нужен покой, а вы тут со своими глупостями и вообще.

– Я завтра еще зайду! – успел сказать я в закрывающуюся дверь. Снаружи стояла Майко, подперев спиной стену и рассматривая свои ногти.

– О, – сказала она, – ты все уже, хах.

– Да, ей нужен покой, – ответил я невпопад.

Майко улыбнулась и потрепала меня за щеку.

– Да не переживай ты так. Все у нее будет хорошо. Она же такая – ух! А ты ее любимчик вообще, ты знаешь это? Да она только про тебя и говорит, так что будь умницей и стань настоящим мужчиной, а то таких сейчас практически нет. Вымерли, хах, – на секунду взгрустнула Майко, но уже через секунду воспряла духом и с улыбкой потащила меня вниз по лестнице, к выходу.

– Сегодня я тебя в школе отпросила, наплела что-то про семейные дела, но завтра надо будет туда идти, поэтому тебе надо пораньше лечь, все, побежали домой. Нанасэ-чан никуда не денется, я с врачами поговорила, у нее обслуживание тут высший класс, видел – отдельная палата и все такое, так что все в порядке, врач-сан говорит, что ее выпишут за неделю, может, две максимум. И то только потому, что Джиро-сан сказал, чтобы за ней смотрели, а так он

бы ее выписал уже через три дня, но Джиро-сан это Джиро-сан, потому перестраховываются, хах, – тараторила она, перепрыгивая через ступеньки.

Я спешил за ней, переживая, что эта шаровая молния в облике девушки споткнется и разобьется на лестничном пролете. Так же, в темпе стремительного вальса, мы пролетели в супермаркет, где Майко набрала полные пакеты продуктов (мальчику надо хорошо питаться, хах), снова взяли такси, и через какое-то время я уже сидел за столом, пытаюсь сосредоточиться на домашнем задании и не обращать внимания на то, что за плитой суетилась Майко, изображая из себя ураган в женском обличье.

Помимо самого факта, что в нашем с Нанасэ доме появилась посторонняя женщина, странности ситуации добавляло и то, что, едва закрыв за собой наружную дверь, Майко стремительно переоделась (ни капельки не смущаясь меня, кстати) в так называемую «домашнюю одежду». А домашняя одежда в исполнении Майко – это короткие шортики и не менее короткий, да еще и просвечивающий топик с изображением какого-то зверька, не то зайца, не то белки. Слава богу, что поверх этого Майко накинула кухонный фартук, но вид сзади по-прежнему оставался... очень смелый.

Особенно, когда Майко уронила шумовку куда-то вниз, за плиту и полезла за ней, встав на четвереньки и сдавленно ругаясь. В этот момент я поспешил перевести взгляд на свою тетрадь и попытался сосредоточиться на задании по истории, в то время, как перед глазами все еще оставалось зрелище идеальных полушарий.

Я яростно почесал затылок, пытаюсь выбросить из головы все, что не относилось к битве на Комукаве и историческому пленению сегуна, но получалось откровенно плохо. Синдзи-кун, хихикая и потирая воображаемые ладони, уже навоображал себе черт-те что с этой самой Майко. Или это мое собственное сознание начало пускаться во все тяжкие?

Как бы то ни было, во-первых, Майко – подруга и коллега Нанасэ (что бы за работу она ни выполняла там, в... салоне), а во-вторых, ей наверняка уже двадцать лет как минимум, а то и больше, а мне – шестнадцать. Это ж педофилия с ее стороны. Ой, да ладно, возразил мне внутренний Синдзи. Во-первых, ну и что, что коллеги? Подумаешь. Может, даже лучше, ведь если Майко-сан работает в салоне, то и знает она ой как много, а глядишь и нас чему-нибудь научит. А во-вторых, в Японии возраст согласия с тринадцати лет. Все что надо, чтобы это не было преступлением, чтобы ты не был против, а ведь ты не против, а? Я вздохнул и запустил пальцы в свою шевелюру. Комукава эта еще...

В тот момент, когда я терзался внутренними сомнениями, в дверь позвонили. Я дернулся было, но Майко была ближе к двери, я сидел за уроками, а она стояла у плиты, и вот, уже через секунду это едва одетое чудо (серьезно, я эти шортики и топ за одежду не считаю, там все видно, как говаривала Шарон Стоун после премьеры «Основного инстинкта» до самой Небраски) уже открыла дверь настежь.

– Синдзи-ку-ун, – пропела она от двери, – это к тебе, хах!

– О, ну еще бы, – проворчал я, вставая. – Было бы странно, будь это к вам, Майко-сан.

– Что? – не расслышала Майко.

– Ничего, Майко-сан. – Я подошел к двери и увидел возмущенную и покрасневшую моську Аи-чан.

– Привет, – махнул рукой я, – заходи, гостем будешь.

– Я... мне староста сказала домашку тебе принести, а ты тут... вот! – выпалила она, покосившись на Майко.

Майко фыркнула, Майко развернулась на месте, выставив на всеобщее (то есть наше с Аей-чан) обозрение свои умопомрачительные шортики, и удалилась в кухню. Ну, как удалилась – у нас с Нанасэ была довольно маленькая квартирка, и Майко попросту отошла на несколько шагов к плите, где что-то варилось и побулькивало, распространяя аппетитные запахи по всему этажу.

– Развлекайтесь, детки, хах, – пропела она от плиты.

– Это кто еще такая? – прошипела Ая-чан, сузив глаза. – И не говори мне, что это твоя сестренка, я твою сестру знаю, она не... такая вот! – и Ая-чан в воздухе изобразила руками, какая именно Майко. Судя по жестам, Ая-чан также оценила формы и изгибы Майко. Ну, подумать, Майко их особо и не скрывала, скорее наоборот.

– Это моя вторая сестра, – не задумываясь, сказал я, – она из далекой деревни, откуда-то с севера, дикие люди. Теперь я буду жить с ней. Кстати, у них там обычай – жениться на близких родственниках, так что она еще и моя невеста.

– Что?!

– По-моему, мне повезло, как думаешь? – я заговорщицки подмигнул, кивнув в сторону пританцовывающей у плиты Майко. – Она еще и готовить умеет. И одевается хорошо. – Еще один кивок в сторону Майко.

– Но как? Это же... у вас же разница в возрасте!

– Любви все возрасты покорны. – Пожал плечами я. – Что поделаешь, если ураган любви уносит нас с Майко вдаль на тот чудесный остров, где любовь и страсть сплетают свои голоса в сладостной симфонии...

Тут стоящая у плиты Майко прыснула, пытаясь сдержаться, но потом плюнула на попытку и немзыкально заржала, сгибаясь пополам и хватаясь за живот.

– Ах ты... – Ая-чан, кажется, начала понимать, что над ней тут стебуются.

– Аха-ха-хах... – Майко просмеялась и встала рядом со мной, выдохнув и сделав серьезное лицо. – Прошу прощения, но вы неправильно поняли Синдзи-куна. Между нами нет никаких чувств подобного рода.

– Ой. Извините. – Ая-чан склонилась в поклоне. – Меня зовут Сато Ая, я одноклассница Синдзи-куна.

– Я – Ямасита Майко, старшая сестра Синдзи-куна и его невеста, хах. – Поклонилась в ответ Майко.

– Э-э-э... что?! Но... – глаза у Аи-чан грозили вылезти из орбит, – но вы же только что сказали, что между вами нет никаких чувств!

– Да, и это грустно. Между нами никаких чувств, это брак по расчету, – скорбно поджав губы, закивала Майко. – У меня есть любимый человек... там на севере. Но, подчиняясь решению старейшин, я вынуждена выйти замуж за Синдзи и быть верной ему всю оставшуюся жизнь, хах. – В ее глазах блеснули чертенята. Ой, недооценил я Майко-сан, недооценил. Она у нас, оказывается, тот еще матерый тролль, мгновенно оценила обстановку и тут же разыграла сценку.

– Боже мой, – сказала Ая-чан, прижав ладони ко рту. На секунду мне стало ее немного жаль. Наивная чукотская девочка, насмотревшаяся фильмов и сериалов, начитавшаяся книг про большую и вечную любовь. А с другой стороны, что наша жизнь, как не возможность хорошо посмеяться, и упускать такую возможность было бы глупо.

– Майко-тян! – сказал я, сделав по возможности грозное лицо. – Что старейшины говорили тебе о твоём поведении? – Подхватит мою подачу или нет?

– Слушаюсь и повинуюсь, о мой супруг... – склонилась в низком поклоне Майко, подавляя улыбку. – Больше не повторится, хах.

– Именно, – я небрежно махнул рукой в ее сторону, мол, кыш-кыш, тут важные люди разговаривают.

Майко упорхнула к своей плите, но наклон ее головы говорил о том, что она все еще с нами, прислушивается, готовая подхватить тему.

– Женщины... – сказал я, – что с ними сделаешь. Так, о чем мы говорили, Ая-чан? Ах да – домашка.

– Домашка?

- Ну домашнее задание, ты сама сказала, что староста тебя прислала, помнишь.
- ...Да, вот... – Ая-чан вынула из портфеля тетрадь с записями, не отрывая взгляда от Майко, помешивающей что-то на плите.
- Хорошо. Да что ты в дверях стоишь, проходи, – пригласил я Аю-чан.
- Да я... – начала было Ая-чан, но в этот момент вмешалась Майко.
- Супру-уг, я набрала тебе ванну... – пропела она от плиты, – ты сможешь расслабиться перед ужином. Конечно, ты можешь выбрать, что ты будешь сперва – ванну, ужин... или меня, хах...
- Увидимся в школе! – выпалила Ая-чан и стремительно упылила вдаль.
- Я посмотрел ей вслед и улыбнулся.
- И не жалко тебе неокрепшей психики молодой девочки, хах. – Откуда-то сзади появилась Майко.
- Ничего, потерпит. Она со своей сестрицей и боссом-девицей мне в школе тоже нервы подбедают.
- О. Школьная любовь бессмысленная и беспощадная. – Майко обняла меня сзади и положила подбородок на плечо. – А ванну я и впрямь набрала. И ужин готов. Так что я не шутила ни капельки, хах.
- Конечно.
- О, да. Майко никогда не шутит. Ой, это я сейчас пошутила? Или нет, хах?
- Я очень благодарен вам за ужин и за все остальное, Майко-сан. Спасибо, – сказал я. Склоняться в поклоне не стал, потому как если тебя обнимает девушка сзади, то поклониться в такой ситуации означает усугубить и без того неловкую ситуацию.
- А ты молодец. – Майко убрала руки и отступила назад.
- Я обернулся и будто в первый раз увидел ее – в фартуке, едва прикрывающем верхнюю часть бедер, раскрасневшуюся и довольную, с улыбкой на лице.
- Да и вы в грязь лицом не ударили, Майко-сан.
- Ой, пустяки. И, кстати, можешь называть меня просто Майко – в конце концов мы же супруги, не правда ли? – и она подмигнула мне, довольная своей шуткой.
- Я закатил глаза. Похоже, что я еще пожалею о своей шуточке, Майко явно выжмет из ситуации все, что только сможет – исключительно для увеселения себя любимой. Надо будет свести ее с Иноэ-сан, то-то будет веселье. Не для меня, конечно, но для этой парочки девиц, обожающих шуточки над бедным мной. Так сказать, синергия в действии.
- Так что, супруг, ванну, ужин или все-таки меня? – продолжила троллить Майко и даже выпятила свою и без того немаленькую грудь, демонстрируя всяческую готовность к исполнению супружеского долга. Я только вздохнул и покачал головой. Нет, правда, я еще долго буду жалеть о том часе, когда мне в непутевую голову пришла дурацкая идея подшутить над Аей-чан.
- Подшутить-то подшутил, да вот не учел, что теперь Майко получила такую прекрасную почву для невинных шуточек в стиле «дорогой, я вся горю, возьми меня прямо тут» – при этом, как человек взрослый в голове подростка, я понимал, что никаких шансов у меня нет. И если бы бедный Синдзи-кун действительно поверил бы (а он бы поверил) и начал испытывать надежду (а он бы начал), то был бы немедленно и с удовольствием приземлен на пятую точку опоры из разряда «ну это же шуточки, Синдзи, ты что всерьез поверил?!». Оставаясь в зоне шутливой флирта, с другой стороны, мне ничего особенного не грозит: и отношения не испорчу с коллегой Нанасэ, и себе нервную систему не надорву тщетными ожиданиями.
- Наверное я выберу ужин, – сказал я, к вящему разочарованию Майко, – а потом ванну. Потому что самое лучшее всегда остается на потом, моя дорогая супруга. Да и голова сегодня что-то побаливает...

Глаза Майко снова вспыхнули весельем, и она было открыла рот, чтобы что-то сказать, но в этот момент в дверь постучали.

– А. Ая-чан что-нибудь забыла, – сказал я и потянулся было к двери, но Майко быстрым и ловким движением убрала меня за спину, да так, что я только рот раскрыл. Все было сделано, как па в танце – раз, два, и я уже за спиной у Майко, вижу ее собранные в узел на затылке волосы, убранные серебристой заколкой с птицей на конце. Так же плавно Майко перетекла к двери и заглянула в глазок. Сразу же повернулась ко мне.

– Синдзи! Прячься! – крикнула она, и в ту же секунду дверь разлетелась вдребезги, словно в нее выстрелили из пушки. Я был отброшен назад, оглушен и на несколько секунд потерял ориентацию во времени и пространстве, перед глазами плыли разноцветные круги. В голове стоял гул, и я помотал ею, пытаюсь прийти в себя.

– ...льной убудок, хах! – услышал я и воспрял духом. Майко жива! Но что произошло и почему мне так холодно? Я огляделся. Наша с Нанасэ комната была залита водой по щиколотку, посередине, спиной ко мне стояла Майко, стояла так, словно была борцом сумо на фестивальном поединке – широко расставив ноги и руки, пригнувшись вниз, готовясь к броску. Напротив Майко стоял какой-то худошавый тип в обычном коричневом костюме и даже в шляпе. Какая-то неправильность в его фигуре, в его осанке, в том, как он стоял, как держал себя, как легкие волны воды обтекали его... Стоп, что?

Я взглянул на сцену другими глазами. Первое – этот тип явно парачеловек, махоу, как говорят здесь. Маг. Судя по всему – маг воды. Второе – моя милая Майко, судя по всему – тоже. Я не видел ее лица, но ее спина бугрилась мышцами, которым позавидовал бы иной бодибилдер, а кожа на шее, ногах и руках стала коричнево-красного цвета, словно терракотовые кирпичи. Конечно, человек может обгореть на солнце до такого состояния или попросту подкраситься, но ведь буквально только что она была нормального цвета. И да, мышцы у Майко продолжали расти.

– Тебе придется ответить за все. Хах! – В этот момент Майко прыгнула вперед, и мне на долю секунды стало жалко тощего типа в шляпе – столько в этом прыжке было животной энергии, первобытной силы, что я даже немного зажмурился, представляя, как она сметет его, воткнет в стену и переломает все кости. Однако Тоший даже не сдвинулся с места. Вода вдруг встала стеной между ним и Майко, словно живая, из воды вырвались жгуты щупалец и схватили ее в воздухе. Майко зарычала и задергалась в захвате, но водяные щупальца держали ее крепко.

– Нет! Отпусти ее! – крикнул я и вскочил на ноги. Тоший повернул свою голову.

– Слышишь? Отпусти ее немедленно! – Я стал осторожно подходить к нему.

Комната и без того была маленькой, мне стоило сделать пару шагов, и я был уже рядом с беснующейся в захвате Майко. Она рычала и пыталась вырваться, перегрызть крепко сжимающие ее жгуты водяных щупалец, но тщетно. Контраст между ней, извивающейся и дергающейся, изрыгающей проклятья, и спокойно стоящим Тошим, словно бы показывал, насколько различаются их силы. Он стоял так, словно бы не прикладывал никаких усилий, буднично, не обращая внимания на Майко и ее попытки освободиться. Вокруг нас бушевала вода, вставая стеной и грозя погрести под собой.

– Интересно, – сказал Тоший, – и что ты сделаешь, если я не выполню этого?

– Очевидно, – сказал я, стоя прямо перед ним так близко, что мог рассмотреть, что у него из ноздрей росли редкие волосы, – я заставлю тебя сделать это.

– Вот как? – Тоший поднял одну бровь, изображая удивление.

– Именно, – у меня не было шансов. Вообще. В принципе. Судя по всему, этот тип – так называемый маг стихии воды. Я видел таких по телевизору, есть целая семья на Хонсю вот таких вот фокусников. И на море с такими лучше не сталкиваться даже в составе авианосной группы. Везде, где есть вода – лучше с ними не иметь дело. К слову сказать, человеческое тело

на восемьдесят процентов состоит из воды, смекаете? Короче – в дальнем бою у меня вообще нет шансов.

Да, я подозревал, что у меня есть способность к регенерации, но это не поможет мне победить: наверное, это просто развлечет его, пока он будет отрезать руки и ноги водяным хлыстом – струей воды под гигантским давлением. У меня есть небольшой шанс задеть его на ближней дистанции, но это опять-таки вряд ли. А вот заболтать гада до той поры, пока соседи, обеспокоенные шумом, гамом и прочими безобразиями вызовут полицию, можно попробовать. Единственный способ не стать жертвой – заинтересовать его. Уверен, что, если я закроюсь руками и буду умолять пощадить, плакать и кричать, стану ему неинтересен.

Поэтому, хотя у меня трясутся руки и подкашиваются ноги в коленках, я смотрю ему прямо в глаза. Поэтому я веду себя вызывающе. Только так у меня и Майко будет хоть маленький, но шанс. Шанс, что я буду ему немного интересен – как необычная букашка в траве.

– Давай, иди сюда! – я поднял руки, вставая в стойку. – Если не трусишь. Будь мужчиной.

– Да, конечно. – Впервые за это время я увидел, как Тоший улыбнулся. Вернее, уголки его тонких губ едва поднялись. Это все. Не улыбалось его лицо, не улыбались глаза. А потом водяной хлыст отрезал мне руки. Все произошло так быстро, что я даже ничего не почувствовал. Только что вот у меня были руки, и вдруг – раз! И их нет. Только нелепо выглядящие культы и кровь, брызнувшая вдруг. Ну все – подумал я. Все – значит все. Конец моей новой жизни. Даже если Тоший не будет делать больше ничего, я истеку кровью за несколько минут, а перевязать рану – это смешно, но у меня нет рук. Только культы – примерно по пять сантиметров выше локтя. Глупо. Глупо и смешно, решил тут героя сыграть, вот и Майко не помог и сам помер. Дурак.

Именно с этими мыслями я и умер.

Глава 7

Когда ты просыпаешься или просто открываешь глаза после потери сознания, ты сперва не соображаешь, кто ты и где находишься. Потом уже из долговременной памяти загружаются сведения: тебя зовут Синдзи Ямасита, тебе шестнадцать лет, но на самом деле тебе было далеко за сорок лет на момент смерти и зовут тебя совершенно по-другому, но это было в другом мире и другом времени, а находишься ты в своей комнате. Вернее, своей с Нанасэ комнате, и тебе очень хочется спать. Просто свернуться клубочком и продолжать видеть сны, не обращая внимания на шумную возню и сдавленное рычание Майко.

Майко! Я повернул голову и увидел, как Тоший выламывает Майко руки, а та стонет и пытается вырваться из стальных захватов водяных щупалец. Что-то отвратительно хрустнуло, и Майко закричала, выплевывая кровь изо рта и извиваясь в судорогах. Я словно бы взлетел в воздух, вскочил на ноги и мгновенно оказался рядом с Тошим, тот обернулся, его глаза расширились, но я не дал ему времени подумать, оценить обстановку, сделать хоть что-то.

Прежде чем он смог поднять руки, я ввинтил в его подбородок лучший апперкот, какой когда-либо наносил. Туме! – и голова Тошего дернулась назад, он стал падать, ударившись затылком об угол кухонного шкафа и опрокинув на себя стопки тарелок и стаканов. Едва лишь его голова коснулась пола, как водяные щупальца, удерживающие Майко, упали вниз бессильными жгутами, рассыпаясь на капли. Я еле успел подхватить Майко на руки, чтобы та не ударились.

– Все хорошо, Майко-сан, – сказал я ей, глядя на прокушенную от боли губу и нелепо вывернутое плечо.

– Синдзи-кун, – сказала Майко, глядя прямо мне в глаза, – твои руки, Синдзи.

– Руки? – переспросил я, пребывая в каком-то ступоре. И вдруг до меня дошло. У меня не было рук! Водяной ублюдок отрезал мне руки к чертям собачьим! Или мне это просто померещилось? Я осторожно опустил Майко на пол, она охнула и попыталась сесть, держась за плечо. Рук у меня не было. На их месте были культя, правда и вид у них был такой, будто с момента их отрезания прошло уже около года – все зажило, никакой крови и торчащих обломков костей, просто гладкая культя, как у инвалидов, просящих милостыню на рыночной площади. Культя. Я теперь без рук.

Стоп, но как же я тогда ударил этого гада? Как я смог подхватить Майко? Мир перед моими глазами вдруг закрутился и свернулся в точку, словно бы кто-то выключил старый телевизор.

Включился мир снова во всем белом – белые стены, белый потолок, белый шум в ушах и какие-то темные мошки в глазах. Я проморгался, пытаюсь восстановить зрение. Зрение восстановилось подозрительно быстро, я сел и огляделся. В этот момент меня вдруг словно молотом ударило. Руки! Мне же руки отхреначили начисто! Я должен чувствовать боль, должен чувствовать... много чего должен чувствовать, отсутствие рук в конце концов!

Быстрый взгляд подтвердил то, что я чувствовал – руки были на месте и вполне себе исправно функционировали, пусть и обмотанные бинтами, словно бы белые варежки надеты. Я попробовал сжать, разжать кулаки, покрутил кисти рук, поводил ими из стороны в сторону. Вроде работает. Под бинтами не видно, какие есть там повреждения и есть ли вообще. Воображение услужливо подкинуло мне картинки обожжённой кожи и гноящихся струпуев на сгибах суставов, или вовсе содранной кожи, обнаженной плоти с торчащими костяшками и сухожилиями.

Да ну, отмахнулся я от собственного воображения, никаких ожогов не должно было быть, это же вода, раз – и отрезало на хрен. А то, что сейчас у меня есть руки – значит, что моя регенерация работает на все пятьсот процентов, а то и побольше. Хотя... а что, если я попал в лапы к

ученым-экспериментаторам, которые быстро приспособились мне вместо рук какие-нибудь механические клешни или щупальца, а регенерация лишь помогла мне их не отторгнуть, и сейчас какой-нибудь профессор смотрит на меня в комнате с односторонним стеклом и дьявольски хохочет, подготавливая плановую вивисекцию.

Я мгновенно вспотел и принялся оглядываться по сторонам. На первый взгляд обычная палата в обычной больнице, но это ни о чем не говорит, все маньяки-ученые делают свои пыточные под обычные больничные палаты, верно? Э-э... для того, чтобы жертва расслабилась и ни о чем не подозревала, вот. Чтобы, так сказать, потом злоупотребить доверием и ввергнуть в пучину отчаяния. Так, что-то и вправду воображение разыгралось, подумал я и еще раз посмотрел на свои белые варежки. А давай-ка я их...

– А вот этого делать я категорически не рекомендую. – Входная дверь раскрылась бесшумно, и в палату вошел человек в белом халате. Да, я знаю, большинство людей бы однозначно определило этого человека как доктора. «Открылась дверь и в палату вошел доктор». Но меня на мякине не проведешь, от того, что ты напялил на себя белый халат и шапку, нацепил бейдж с фото и фамилией и улыбаешься самой подозрительной на свете улыбкой, ты не стал доктором.

– Кто ты такой? – спросил я.

– Я? – улыбка немного поблекла. – Я врач. Твой лечащий врач. И как таковой убедительно прошу не сдирать бинты с ваших рук.

– А то что? – не успокоился я.

– Честно? Мы не знаем, – развел руками в стороны «мой лечащий врач», – совершенно без понятия, что будет. Скорость вашей регенерации просто умопомрачительная, к тому моменту, как тебя доставили, большая часть ваших рук уже восстановилась. Поэтому мы просто продезинфицировали все и забинтовали. А что там у тебя выросло – кто ж знает. Но! – тут он поднял палец вверх. – Все это будет чрезвычайно полезно для науки и прогресса всего человечества.

– Что? – я немного обалдел, признаюсь. Потому что ожидал чего угодно, но не такого ответа. Честно и без прикрас. Ни один из моих знакомых врачей никогда не сказал бы ничего подобного. Начали бы утешать и успокаивать, никогда не сказав мне всей правды. С другой стороны, ведь и этот тип мне наверняка всей правды не сказал, вот.

– Меня зовут Винтер. Альфред Винтер, – приняв мое потрясенное молчание за желание выслушать, продолжил «врач». – А ты Ямасита Синдзи-кун. Погоди-ка... – Он достал откуда-то из халата медицинский молоточек с резиновой головкой (таким проверяют рефлексы, ударяя по коленке, отчего та смешно дергается) и постучал по моим забинтованным костяшкам.

– Не болит? Хм? А так? – В его руке вдруг появился скальпель, и я только чудом успел убрать руку до того, как этот «врач» вскрыл мне вены.

– Эй! – вскрикнул я. – Ты чего творишь, паразит?!

– Ага, рефлексы в норме. Хорошо, можешь снимать бинты.

– Что, правда? – удивился я. Только что меня убедительно просили не трогать бинты, а вот тут же – снимай, пожалуйста.

– Снимай, снимай... – снисходительно помахал он рукой в воздухе. – Все у тебя зажило, как-никак уровень регенерации «сигма-пять», давно я такого не видел. А... – он посмотрел на то, как я безуспешно пытаюсь содрать бинты зубами и вздохнул. – Пожалуй, я вызову медсестру.

Спустя две минуты прибежала медсестра, серьезная, слегка полноватая, но миловидная девушка, и аккуратно срезала бинты с рук медицинскими ножницами, нервно дыша мне над ухом и прикасаясь выбивающимися из-под белой косынки волосами. Было щекотно. Под бинтами мои руки были как старые. Ничем не отличались. Разве что цветом: начиная с запястий, с того места, где их отрезало водяным жгутом, они были белые. Ну да, подумал я, все верно,

эта кожа еще не видела солнца, вот и нет загара. Выглядит, словно я белые перчатки надел. Или наоборот – загорал в перчатках.

– Сняли? Вот и отлично! – оживился «врач» Винтер-сан. – Ступайте отсюда, голубушка, ему теперь волноваться вредно. – Он снова изобразил в воздухе нетерпеливое помахивание, словно муху от лица прогонял.

– А теперь... – сказал он, едва дверь за медсестрой закрылась, – теперь настало время для более подробного изучения твоего феномена, мальчик. Думаю, мы начнем с... глаза? – В его руке снова появился скальпель, и я только успел нахлебаться адреналина в своей кровеносной системе, как в палату вошел кто-то еще.

– Профессор, – сказал этот кто-то, – прекратите пугать пациента. И вы снова нарушаете статью двадцать пять дробь четыре уложения.

– Горо-кун, вы не понимаете, – сказал профессор, не оборачиваясь и продолжая удерживать скальпель в опасной близости от моего лица, – он же сигма-пять, это редкая удача. С тех пор как Судзуки-сан покинул нас и подписал контракт с этими варварами из Североамериканской Лиги Жастис, у нас не было такой возможности.

– Альфред, правила существуют для того, чтобы их соблюдали. И мы об этом уже говорили, – сказал вошедший. – Не заставляй меня звонить Дафне.

– Ой, ну хорошо, хорошо. – Винтер-сан скорчил недовольную гримасу и убрал скальпель. – Но я более чем уверен, что мы потеряем объект. Есть такая поговорка про то, что ковать металл нужно в состоянии высшей точки нагрева, иначе он остынет.

– Куй железо, пока горячо, – брякнул я невпопад.

– Точно. Видишь, Горо-кун, он уже согласен. Мне нужен всего один глаз. Да, лучше один, чем совсем без глаза, – кивнул «врач». Тот, кого называли Горо-кун, только вздохнул и на мгновение прикрыл глаза рукой, жестом «я окружен идиотами» и «мне слишком мало платят за все это».

– Винтер-сан, я попрошу вас удалиться, пока я не набрал Дафну, а мы оба знаем, что это ничем хорошим не закончится, – твердым голосом сказал Горо и проследил за тем, как за «врачом» закрылась дверь. Вздохнул и повернулся ко мне. Прокашлялся.

– Добрый день, – сказал он. – Я – Горо Такэда, старший инспектор Службы контроля паранормальных угроз.

– Очень приятно, – выдавил я из себя, организм все еще пребывал в состоянии «бей или беги», и я еще не решил для себя, представляет ли новый объект угрозу и следует ли попытаться ее ликвидировать – в меру своих скромных сил, или все-таки попробовать свалить куда-нибудь по коридору в поисках двери наружу

– Ямасита-кун, ты пострадал в результате атаки мага. Хм, ну или по-молодежному, как вы их там называете – убера, сверха, паракхумана...

– Мага?

– Да. СКПУ давно разыскивает этого типа, на его счету довольно много атак как гражданского населения, так и сотрудников СКПУ. Как обычных людей, так и магов. В результате атаки пострадали ты и Ёсида-сан.

– Ёсида-сан?

Майко! Ну и дурак же ты, парень, ну и эгоист! Сидел тут, любовался своими руками, а что там с Майко, даже и не спросил!

– С ней все в порядке! – поспешил успокоить меня СКПУшник, выставив вперед ладони в успокаивающем жесте. – Вывих плеча и перелом ключицы, но она жива и здорова, и врачи говорят, что она поправится уже через неделю-другую.

– Это точно? – я помнил, что тощий тип не жалел Майко вот ну ни капельки, выжимая ее словно половую тряпку над ведром. Видимо, Майко была покрепче, чем казалась. Впрочем, как оказалось, она тоже была магом, так что ничего удивительного. Наверняка крепкие кости

и сухожилия, раз уж ее мышцы могли так увеличиваться в размерах, то и сухожилия с костями должны были выдерживать увеличивающуюся нагрузку.

– Да, это проверенные сведения. Ты сможешь ее навестить, как только мы закончим наш разговор. Она лежит здесь же, в соседнем боксе.

– Кстати о «здесь», Горо-сан. А где это я нахожусь?

– Медицинская станция для магов, – и Горо-сан ударился в объяснения.

Оказывается, что привозить магов в обычные медицинские учреждения – очень плохая идея. Видели, наверное, что обычный человек может натворить, если упадет в эпилепсии или судорога его схватит. Иногда и четыре здоровых санитаров не могут удержать хрупкую старушку. А представьте, что эта старушка – маг? Спонтанные выбросы напалма, разрушение структуры бетонных стен или попросту полопавшиеся капилляры в мозгах у всех окружающих – это только цветочки. Поэтому и были созданы такие вот медицинские станции специально для магов. А кроме того, специально для магов была создана еще и СКПУ – такая магическая полиция. И, конечно, маги ничем не отличались от обычных людей в психологическом плане, по крайней мере с первого взгляда. Обладатели сверхспособностей так же, как и простые люди, страдали от депрессий, влюблялись, ссорились и конечно же – убивали. Просто в отличие от обычного человека, последнее удавалось им намного проще. Соответственно с одним из таких вот, находящихся в розыске магов мы с Майко-сан и столкнулись.

– А почему именно мы? – нахмурился я. Что-то в этом рассказе не стыковалось.

– Кто ж его знает? – пожал плечами Горо-сан, старший инспектор СКПУ. – Кто знает, что у этих придурков на уме. Ты, главное, не волнуйся и поправляйся. И вот еще что... – тут старший инспектор закашлялся. Оказывается, люди со сверхспособностями подлежат обязательной регистрации, с выдачей каких-то документов. Мне все это не нравилось, потому как очень сильно смахивало на дискриминацию суперменов по признаку суперовости. Выдача аусвайсов и разрешений на посещение города, так и до нашивки желтых звезд на полосатые пижамы недалеко.

– В любом случае после регистрации тебе следует также пройти тест на использование своей способности. Я уполномочен предложить тебе пройти регистрацию и тест в нашем медицинском центре, а также вступить в профсоюз магов нашего округа.

– Профсоюз? – А об этом я слышу в первый раз.

– Ну, конечно, супера такие же люди, как и все остальные, и им нужно защищать свои интересы. Вступив в профсоюз, ты сможешь подобрать себе команду по силам и способностям, получить подъемные деньги, а также регулярную заработную плату в размере ста тысяч иен.

– Вот как? – предложение начинало звучать все интереснее. И подозрительней. Сразу заработную плату просто так не платят, а значит, придется отработать. Постольку-поскольку сам Синдзи-кун никакими полезными навыками, кроме как умение читать мангу и захлебываться слюной на одноклассниц, не обладал, следовательно, им нужна будет моя способность. А способность у меня пока только одна. Регенерация. Логика событий предполагала, что для изучения этой способности от меня следовало бы отрезать большие и маленькие куски разных конфигураций, а потом смотреть, где что и как зажило. И зажило ли вообще.

Я вот, например, совершенно не знаю, каковы пределы этой самой регенерации. И честно говоря, не рвусь проверять. Мало того что это больно (боль никто не отменял, даже если все заживает, это не значит, что в момент нанесения травмы не больно), так еще и чешется просто невыносимо при заживлении. И потом, после отчекривания моих рук я все еще чувствую слабость во всем теле. И – голод. Да, я жутко хочу есть.

– Извините, Горо-сан, а можно мне принести еды? – вежливо уточнил я. Кто его знает, может, процедуры тут какие, может, обед пропустил, а может, надо становиться на питание и все, что доступно сейчас – какие-нибудь сухарики в шкафчике старшей медсестры, а поста-

вят на питание только завтра, а я вот прямо сейчас готов удостоверение старшего инспектора съесть от голодухи.

– Что? А, да, конечно. Я распоряжусь. А насчет...

– Насчет предложения я подумаю. Мне надо посоветоваться со старшей сестрой. Кстати, вы ей не звонили? Ну, насчет меня и все такое?

– Нет.

Мне показалось, или Горо-сан смутился? Что-то такое промелькнуло в его глазах.

– Думаю, мне следует позвонить ей, чтобы она не беспокоилась...

Тут мне было сказано, что сам факт пребывания меня в медицинском центре является тайной, и пока я сам не выражу желания, чтобы окружающие меня люди узнали о моем новом... статусе, никто не вправе раскрывать его. Тут я удивился. Почесал затылок. Вспомнил, что те паракхуманы (блин, маги же), которых я знаю из телевидения и газет, все носят маски, или изрисовывают лица, или надевают идиотские костюмы, плюс никто не называет свое имя. Да, это секрет полишинеля, что Зеленовласая Фурия на самом деле Син Аоки, певица и актриса (как говорят здесь – айдол), что Метроном – это полковник Роше, а Дух Самурая – это какой-то садовник из пригорода Токио, но это скорее исключения. В большинстве своем это были Черный Мститель, Картограф, Инквизитор или Раптор, то есть маски и клички. Никнеймы.

Старший инспектор ушел, забрав с собой свои бумажки, которые я так и не подписал по причине малолетства и тупоумия – тупил я и вправду знатно, но подписывать ничего не собирался. Потому как канцелярского языка и юридических терминов Синдзи-кун толком не понимал, а я лично не раз убеждался в том, что подписывать любые бумаги, которые не понимаешь от корки до корки, – дурное дело.

Вы оставьте бумаги, Горо-сан, а я на досуге просмотрю да сестрице Нанасэ дам прочитать, а еще, может, к юристу схожу. Вопреки сказанному бумаги мне не оставили, зато медсестра принесла то ли обед, то ли ужин – я так и не понял. В отличие от казенного бенто в школе, еда в больнице (пардон, в медицинском центре для паралоудей) была вполне себе приличной и совсем не японской. Хотя нет, здесь обожали карри, ну вот, тарелка с рисом и карри, какой-то салат и чашка с чаем. Тосты с маслом и сыром. Какие-то сладости. Довольно обильно для больного. Несмотря на это, я смолотил все, что принесла медсестра, за какие-то пять минут, удивляясь самому себе. Наверное, просто не заметил, что жутко голоден.

С другой стороны, я же руки себе отрастил заново, верно? Откуда-то должна была масса появиться, вон, старина Ломоносов говорил, что «ежели в одном месте убудет, то в другом месте присовокупится должно», и у меня нет причин не доверять Михал Васильевичу. Означает ли это, что, если нет еды – не будет и регенерации? Да ладно, разозлился вдруг я сам на себя, что за идиотские вопросы, словно Алиса в Зазеркалье, стоишь и смотришь на чудесатые чудеса, а сам тупишь, словно девочка-третьеклассница перед таблицей интегралов.

Тут же с места я тебе вопросов накидаю, например, отрастет ли тело, если отрубят голову, или скорее на теле отрастет голова? И если вдруг разрезать меня пополам – каждая ли половинка восстановится? Будет ли условный «правый я» действовать, исходя из возможностей правого полушария, а «левый я» – из возможностей левого, или все-таки мозг восстановится до полного комплекта полушарий? И если восстановится до полного комплекта полушарий, то будут ли у каждой половинки индивидуальность и память меня оригинального, или нет? А что, если разрезать не на две половинки, а на большее число? Или уже полученные половинки разделить надвое снова? Меня будет уже четыре? Или существует пресловутая «душа», и восстановится только одна половинка, а другая станет безмозглым овощем и умрет? Или вот еще – если я восстанавливаюсь из-за еды, то у меня должно быть самое быстрое пищеварение на свете, метаболизм такой, что мама дорогая, но я этого не чувствую.

Кроме того, перед тем как мне отрезали руки, я еще не поел, был голоден, жира на этом теле практически нет, а руки восстановились полностью. Следовательно, мышечная ткань,

кости и сухожилия у меня на култях возникли сами собой из ниоткуда. Вернее, откуда-то, из неизвестного нам источника, если верить Михал Васильевичу. Но тогда получается, что я могу производить мясо, просто ножом строя себе ляжки. Они будут появляться снова и снова, а я смогу накормить собой деревню каннибалов в голодный год. Бр-р, что за мысли в голову лезут.

В любом случае я действительно невероятно туплю перед новыми вводными, веду себя пассивно, воспринимая все как должное. Наверное, шок. Не оправдание, конечно, нет такому оправдания, но по крайней мере понятно. Впал в ступор от обилия новой информации, и все такое. Нет, так не годится, пора вести себя проактивно. В первую очередь – думать. Анализировать. Выработать план. Итак, моя цель – жить. Да, прожить спокойную и счастливую жизнь в окружении любимых, близких и родных мне людей. Что этому мешает? Нападение психа – водяного мага, например. И чего ему понадобилось у нас с Нанасэ дома? Погоди-ка, а ведь эта цветастая девчонка из салончика игровых автоматов, как там ее – Камико, она же говорила, что на Нанасэ напал супер? Или это Нода-сан говорила? В любом случае на сестренку Нанасэ напал супер, а потом в течение суток на наш дом напал супер. Не могу я использовать эти их «махоу»-термины, не маги они. Суперы. Хорошо, два нападения супера в течение короткого времени и оба связаны с Нанасэ. Первый раз – на работе, второй раз – дома. Может быть, тощий ублюдок не знал, что она лежит в больничке, и решил попытаться счастья второй раз.

Я вдруг понял, что практически уверен в том, что тощий водяной маг и напавший на Нанасэ в салоне – один и тот же человек. Я встал и свесил ноги с кровати, отметив, что тапочек на полу нет. И ладно. Пол был неожиданно холодным и твердым.

– Хорошо, – сказал я вслух, – хорошо. Допустим, что это – один человек. Тогда получается, что Нода-сан подозревала о возможности повторного нападения, потому и послала со мной Майко-сан. – Тут я почесал затылок. Эта Майко – непростая девушка. Во-первых, она – супер, это ясно. Сверхсила и скорость, судя по всему, она любого громила отдела. Не удивлюсь, если она может переворачивать автобусы и вырывать фонарные столбы. Крушить! Но этого мало – в Майко прослеживается... стиль. Она уверена в себе, но при этом не агрессивна, спокойна, позитивно настроена, способна вести диалог с кем угодно, тут пошутить, здесь надавить, но добиться своего. Она словно высококлассный агент влияния или же адъютант/секретарь/референт/помощник очень-очень большого человека.

Нет, не так. Большого Босса. Вот, теперь правильно. Далее – такой человек, как Майко, ну никак не может работать у Нода-сан. Класс не тот. Конечно, Майко умело играла свою в доску девушку, простушку и веселушку, но в момент нападения я на несколько мгновений видел ее настоящую. Ни капли страха или сомнений, спокойная решимость идти до конца и уверенность в своих силах. Даже когда ее скручивали, словно мокрую тряпку, вырывая суставы и ломая кости, даже тогда она владела собой. Да, стонала, но скорее для того, чтобы облегчить боль и затянуть сопротивление, паники не было. Был расчет. Вывод: Майко не является и никогда не была одной из девушек Нода-сан и розового салончика.

Поэтому Нанасэ и удивилась, когда я сказал ей, что Нода-сан приставила ко мне Майко. Однако она узнала ее имя и сказала, что так будет даже лучше. Еще один вывод: Майко была довольно известной личностью в этом районе. И еще один: Нанасэ предполагала, что на нашу квартиру могут напасть. Хотя нет, она никогда бы не позволила мне вернуться в квартиру если бы предполагала опасность. Она просто беспокоилась обо мне, хотела, чтобы рядом был кто-то взрослый, а уж Майко в состоянии позаботиться о ком угодно. И о чем угодно. Я хмыкнул и покачал головой.

Вывод: Майко-сан, девушка-Халк, шаровая молния и бесшабашная веселушка – человек семьи Кодзима. Я не заметил на ее теле татуировок, типичных для якудзы, но ведь это ни о чем не говорит. Судя по всему, она человек, достаточно приближенный к главе семьи, некому Джиро-сану, и в иерархии клана занимает не последнее место. А еще – явный боевик. Ей просто не повезло с противником, вот и все. Любого другого она бы по стенке размазала. Да, и

именно на это и была ставка, вдруг понял я. Ловля на живца. А живец, маленькая тупоголовая рыбка с плоскими стеклянными глазками и бубенцами в башке вместо мозгов – это ваш покорный слуга Синдзи-кун. Нет, ну ладно это был бы оригинальный Синдзи, пацану шестнадцать лет, он и пороху не нюхал, и в переделках не бывал, но я-то, я-то бывалый котяра и так вот попасться...

Я выдохнул и потряс головой, что было, то было, грызть себя непродуктивно, думаем, думаем, работаем с тем, что есть. И так, Джиро-сан, известный всем как глава семьи Кодзима, заботится о районе розовых салончиков и игровых павильонов. Вывод: семья Кодзима – это клан якудза. Джиро узнает о нападении на Нанасэ на подведомственной ему территории. Спускать это с рук якудза не может. Не тот бэкграунд. Якудза живет только на имидже, все что у нее есть – это имидж. Бренд, если хотите. Бренд звучит примерно так: если ты сделал плохо якудза, якудза сделает плохо тебе. Но раз в десять хуже. Не связывайтесь с якудзой. Никогда не связывайтесь с якудзой. Такое вот мотто. А, и еще Джиро откуда-то знает, что этот бл...кий водяной не оставит свою жертву в покое, раз уж начал, и наверняка приползет заканчивать дело.

Отсюда другой неутешительный вывод: водяной тип тоже печально известен в узких кругах и довольно крут, раз уж его до сих пор не пришили. Ладно. Так вот, зная об этом, Джиро приставляет Майко к Нода-сан, так как существует вероятность, что водяной вернется. А дальше тут возможна развилка вариантов: либо Майко сама принимает решение приглядеть за мной, в надежде, что на меня клюнет водяной, либо она докладывает о моем визите Джиро, а тот приказывает ей организовать засаду.

Только вот тут загадка: почему Джиро послал Майко, учитывая, что против водяного она смогла только рычать и плевать? Недооценил противника? Или она сама приняла такое решение, погорячившись и переоценив свои силы? Или у них не было достаточно информации о его способностях? Много вопросов и мало ответов, но как только я доберусь до ближайшей библиотеки (жаль, интернет для меня недоступен), сразу же выясню все.

Здесь все, из этой ситуации больше ничего не выжмешь, пока не получишь новой информации. Вторая вводная – мои способности. Я – супер. Или маг. Регенерация – да, выносливость – да. Пределы мне неизвестны, слабые места – тоже. Может быть, я как зомби – убиваюсь выстрелом в голову, а все остальное мне нипочем. Или как титан из «Атаки титанов» – у них там в затылке смерть Кошечеева. Почем, кстати, знать, может, и в яйце смерть моя – пнуть сапогом крепче, и нет регенерации. Или там слабость к мартовским идам, или там, когда Бирнамский лес пойдет на Дунсианский замок штурмом, что там еще? Проверять все это я не собираюсь. Во-первых, потому что больно, а во-вторых, достаточно и первой причины, как говаривал Бонапарт. Нет, даже просто потому, что в поисках своих слабостей и уязвимостей можно и найти парочку, да. Как там у Марка Твена? Если вы будете каждый день вставать с мыслью, что сегодня ваш последний день, однажды вы окажетесь правы. Нет, такой хоккей нам не нужен, а если бы был нужен, так позвать сюда коновала в белом халате, он как раз хотел парочку ненужных органов отчекрыжить. Кстати, я же готовый донор почек, сердец, печени и легких. Не говоря уже о руках, пальцах и прочей мелочи. Брр, как-то неуютно стало, надеюсь, меня не держат тут на органы. А что, легко – зафиксировал в постели ремнями, отрезай что надо да корми. Вот радость-то.

Я подошел к окну. За окном открывался вид на внутренний дворик больницы. Стекло на первый взгляд не отличалось ничем особенным, но если приглядеться, можно было увидеть зеленоватый оттенок и то, как предметы искажались, если изменить угол зрения. Стекло было очень толстым и скорее всего пуленепробиваемым, как у кассира в банковском отделении. Даже толще. Я вздохнул. Такие вот меры предосторожности не прибавляли мне уверенности в завтрашнем дне и спокойствия в настоящем. В дверь постучали.

– Синдзи-кун! – раздался голос, и я обернулся.

Глава 8

Джиро Кодзима совсем не был похож на стереотипных боссов якудза из теленовелл и сериалов. У него не было жесткого седого ершика волос и застарелого шрама через все лицо, не было сложения бывалого мечника, да и одет он был не в темное строгое кимоно. Джиро Кодзима больше был похож на обычного клерка, из тех, которых зовут менеджерами среднего звена, явно уже не офисный планктон, но и не директор компании. Так, начальник отдела. Он был одет в обычный костюм серого цвета, правда без привычного галстука. На его руке не было часов. В общем и целом он не производил впечатления босса мафии в этом районе. Единственно, что выдавало в нем что-то необычное – это отношение окружающих его людей. Низкие поклоны. Уважение в каждом жесте. Глаза в пол.

– Синдзи-кун, – повторил глава клана якудза, и легкая улыбка тронула его губы. Незаметная, так, едва искривилась линия губ, словно бы каменный голем захотел скорчить гримасу и не смог.

– Кодзима-сама, – поклонился я в ответ. Как тут не поклониться, если в твою палату входит босс. Конечно, и босс не мой, и юридически ни я, ни Нанасэ-онэсан не подчиняются якудза и не имеют с ними никаких дел, но уважение человеку, который смог достичь и удержаться, никогда не бывает лишним.

Во всяком случае, не стоит наживать себе врагов на пустом месте, как говорится, ничто не стоит так дешево и не ценится так дорого, как вежливость. В ответ на мой поклон Кодзима-сама просто кивнул, и тут же под ним материализовался стул, на который он и присел, слегка похрахтывая.

– Старая рана, – уловив мой взгляд, пояснил он. Так запросто, словно бы мы были просто пацанами во дворе, обсуждали погоду, проигрыш местной команды в футбол и ноги соседских девчонок. – В семьдесят четвертом получил осколок, во время кампании во Вьетнаме. С тех пор как непогода приближается, так ноет, с-скоти-на... – Он потер ногу и о чем-то задумался. Стоящие по обе стороны от него молодые парень и девушка в хороших темных костюмах и черных очках даже глазом не повели. Стояли как английские королевские гвардейцы у Букингемского дворца – не дыша и не шевелясь.

– Так, о чем я? – нахмурился Кодзима Джиро-сан, перестав растирать потревоженную ногу. – Ах, да. Во-первых, я должен попросить прощения у тебя, Синдзи-кун, и твоей сестры. За случившееся на моей территории и под крышей моего дома. В качестве компенсации в вашей квартире сделан ремонт и заменена вся необходимая техника. Во-вторых, я пришел, чтобы сказать тебе спасибо за то, что выручил Майко-тян. Она у меня еще молодая да взбалмошная, что ты с ней делать будешь. – Он вздохнул и покачал головой. Наступила тишина. Двое по сторонам продолжали стоять навтыжку, кажется, даже не моргали.

– Кодзима-сама, – подождав некоторое время и убедившись, что мужчина, похожий на менеджера среднего звена, не собирается говорить, начал я сам: – Можно задать вам вопрос?

– А? Да, конечно, Синдзи-кун, спрашивай, – он мотнул головой, словно прогоняя полуденную дрему.

– Этот тип... его поймали? Что с ним случилось?

– А... этот молодой выскочка, Маки Сабуру... Что с ним стало, Джун? – произнес в пространство босс, и стоящий справа молодой человек в очках вытянулся еще больше (а казалось, больше уже некуда, подумал я) и, четко выговаривая слова, произнес:

– Маки Сабуру, водяной маг категории тройная альфа, закончивший Академию Кантаро со знаком отличия, отличник боевой и политической подготовки в подразделении «Блю Драгонс», уволен в запас в связи с магопси-хозом, из-за инцидента в Киото объявлен в розыск, после инцидента в восемьдесят первом выписан Государственный Ордер на уничтожение. Был

ликвидирован Тагами Майко, магом-метаморфом категории альфа-браво-браво, смерть наступила в результате...

– Ну хватит. – Кодзима-сан поднял руку, и молодой тотчас заткнулся, да так, словно бы проглотил рисовый шарик и подавился, выпучив глаза и сделав глотательное движение.

– Нечего пацану тут ночные кошмары устраивать. Майко-тян может быть... креативна, если ее довести. А ее довели, да... молодая она все-таки и невоздержанная. – Покачал головой Кодзима: – Ну вот что с ней делать? И ругать вроде не за что, так и хвалить за такое тоже не годится...

– О... – я некоторое время переживал все свалившееся на меня. Водяной ублюдок мертв. Майко-чан оторвала-таки ему башку. Ну или надругалась каким другим способом, вон, даже старик Джиро признает ее креативность в этом самом надругании.

Ай да Майко, ай да... хорошая девочка. Как гора с плеч свалилась, я вдруг осознал, что все это время пребывал в напряжении от того, что где-то по свету все еще ходит этот тощий ублюдок, который обидел мою сестру и едва не порвал на части Майко. Как она его порвала? Просто. Майко – метаморф, брут по классификации, ей только в ближний бой прорваться, а вот водяной маг – хрустальная пушка, могуч и неотразим, может резать сталь и бетон, но достаточно одного удара по его тушке в ближнем бою и все. Финита ля. Кстати, да. Получается я ей здорово помог своим ударом, вырубив тощего. Дальше я-то потерял сознание, а вот умница Майко проявила хладнокровие и рациональный склад ума. Вследствие этого проявления рациональной мысли Майко водяной помер, не приходя в сознание. Вот к бабке не ходи, она ему башку оторвала прямо в нашей квартире. Что там старикан Джиро говорил про ремонт? А ремонт нам понадобится – после того, что эти двое там натворили. Да еще и кровища по всей прихожей и кухне. Моя, кстати, тоже.

– Узнав, что ты и Майко-чан попали в больницу, я сразу же поспешил к вам. Как только освободился, – кивнул Кодзима.

Возле двери раздалась какая-то возня, шум, сдавленный возглас, двое из ларца кого-то там скручивали, отталкивая и зажимая рот. Кодзима повернулся, кивнул, разрешая, и к нам, поправляя одежду и недовольно цыкая, присоединился Горо-сан, старший инспектор СКПУ.

– Я, между прочим, тут при исполнении, – произнес он в пространство, не то жалуясь, не то предупреждая, – у меня ордер есть.

– Это хорошо, что ордер, Горо-кун, – кивнул Кодзима.

Двое за его спиной мигом нависли над инспектором, посылая явный и недвусмысленный сигнал о том, что стоит только Кодзима-саме намекнуть или только подумать...

– Я просто предупредить, – буркнул Горо-сан, – о последствиях и прочем.

– Да ради бога. – Кодзима-сама откинулся на спинку стула. – Предупреждайте, чего уж. Мы и слушаем.

Старший инспектор глянул на него, на двоих, слегка помятых в темных костюмах, нервно дернул плечом. Судя по всему, ему хотелось остаться наедине со мной, но босс явственно дал понять, что этого не случится.

– Хорошо, – сказал Горо-сан. – Синдзи-кун, у тебя есть возможность подписать контракт с государственной службой поддержки магов. Стипендия, проживание, форма – все оплачено. Учиться будешь в академии, это тоже оплачено. Но на тот случай, если ты вдруг не захочешь подписать такой контракт, хотел бы тебя предупредить, что в нашей стране независимый маг, без государственной поддержки – долго не протянет. К сожалению... – тут он покосился на старого Кодзиму и его двоих из ларца. – К сожалению, у преступных элементов велик соблазн наложить руки на юные таланты и вовлечь их в свой преступный мир. Преступными доходами, конечно, и преступными идеями.

На этом месте я подумал, что старшего инспектора здорово переклинило на слове «преступный». Хотя... преступные доходы – это звучит. Преступные идеи – тоже ничего, но против доходов слабовато будет. У него такие доходы, что это просто преступно. Нет, все-таки звучит.

– И даже если на первый взгляд государственная стипендия и сумма контракта может показаться маленькой по сравнению с соблазнами преступного мира, зато это честные и достойные деньги добросовестного и порядочного члена общества, – потел старший инспектор под задумчивым взглядом Кодзимы-сама.

– Кроме того, по окончании Академии перед юными магами открыт весь мир... в карьерной перспективе. Никто не примет на службу в уважаемую корпорацию мага, который запятнал свое имя сотрудничеством с... предполагаемыми преступниками. И это не говоря уже о потере уважения и доброго имени в глазах порядочных членов общества. – Горо-сан закончил свою прочувственную речь, вытер вспотевшие ладони о брюки и сглотнул.

– Я... буду знать, Горо-сан, спасибо, – сказал я, поняв, что пауза затянулась.

Он кивнул и пулей вылетел за дверь, едва не сбив с ног девушку в темном костюме. Она легко ушла с его дороги в сторону и едва слышно ругнулась.

– Что я говорил о сквернословии, Айка-тян? – поднял бровь старик Кодзима, поворачиваясь. Девушка покраснела и спешно поклонилась, извиняясь.

– Даже лучшие из нас иногда подвержены... увы, – добавил Кодзима, повернувшись ко мне, – но в целом этот заячий хвостик Горо-кун прав. Действительно, государственная стипендия – это неплохо и престижно. Я бы даже сказал, что это не так уж и мало. Конечно... – тут он вдруг легко подмигнул мне, – с пр-реступными доходами не сравнится, но вполне достойно. И он вполне прав насчет твоего выбора, Синдзи-кун, независимые маги долго не живут. – И тут старик Кодзима ударился в конкретику, видимо поймав момент красноречия.

Все было не так уж и страшно и означало не то, что независимые маги срочно умирают в подворотне, сгребая свои кишки сломанными руками, а всего лишь то, что независимых магов обычно спешно рекрутируют. Все. Армия, флот (да, они и в этом мире были отдельными структурами, жутко конкурирующими друг с другом), полиция, СКПУ, частные компании, государственные компании, конечно же якудза, профсоюзы и вообще все.

Во-первых, по практическим и прагматическим причинам – маги могли здорово помочь любой компании или предприятию, особенно, если работали по профилю. Тот же Сабуро был бы незаменим при любых водных работах, строительстве плотин или ликвидации последствий наводнения, а уж какой бы из него вышел рыбак! Были маги, которые могли бы работать в качестве электростанций или экскаваторов, были которые могли ликвидировать пожары или там служить сортировщиками, ликвидаторами нефтяных пятен и катастроф АЭС. А во-вторых, это было престижно. Чем больше магов на работе в корпорации, тем круче. Секретарша, которая не только «ноги от ушей» и декольте до пупка, а еще и может вскипятить чай, просто приложив ладонь к чайнику, водитель, управляющий лимузином силой мысли, охранник, похожий на Халка, – все это невероятно престижно. Потому от предложений в стиле «невозможно отказаться» магам очень трудно уйти. Поэтому и государственная стипендия (которая, к слову, была в несколько раз больше, чем зарплата Нанасэ-онээсан, а ведь это выплаты несовершеннолетнему сопляку) по сравнению с этим была копеечной. В свою очередь государство и СКПУ очень бы хотели придерживать магов у себя на службе, а по возможности и вовсе регулировать этот рынок. Отсюда и возникла идея обязательной регистрации магов. И проверки их возможностей.

– Но ты не волнуйся, Синдзи-кун, – пыхнул клубами дыма Кодзима-сама. Откуда у него в руках возникла трубка – я не заметил. Но как он прикурил – заметил, да еще как. Стоящая сбоку девушка в темном костюме и черных очках, изображающая из себя статую гвардейца перед королевским дворцом, протянула левую руку и щелкнула пальцами. На кончиках

ее пальцев вспыхнуло иссиня-белое пламя, интенсивности кислородного резака! От него-то старик Джиро и прикурил, с удовольствием попыхивая и шуря глаза.

– Не волнуйся, – повторил он, выдохнув кольцо дыма в потолок, – заставить тебя зарегистрироваться в качестве мага они не могут. Кроме того, ты еще и несовершеннолетний, так что им придется решать вопросы с твоим опекуном. Выбрать, куда идти и что тебе делать потом, ты можешь сам. Парень ты боевой, так что не растеряешься. А у семьи Кодзима для тебя всегда найдется место, буде ты решишь присоединиться к нам. Да и, кстати, лично я считаю, что с этого момента у моей семьи перед тобой должок, Синдзи-кун, так что, ежели случится чего, приходи, поболтаем. – Он снова выдохнул кольца дыма, подряд штук пять, и я заворожено проследил их путь к потолку, где они разбивались о датчики дымоуловителей. Интересно, подумал я, почему датчики не срабатывают? Дыма мало?

– Заболтался я с тобой, Синдзи-кун, – сказал Кодзима Джиро-сама, босс якудза нашего района, и неторопливо поднялся на ноги. Трубка из его рук исчезла, стул, на котором он сидел, также растворился в воздухе. – Ну, поправляйся. Сестре своей привет передавай. Да к Майко заглядывай, как свободное время будет, спрашивала она о тебе. – И не дождавшись ответа, старый босс вышел, забрав с собой свою парочку молчаливых «из-ларца-одинаковых-с-лица». Справедливости ради, лиц я не видел, но темные костюмы и черные очки делали их одинаковыми как близнецов. Я откинулся на подушку, задумавшись. Водяной ублюдок больше не представляет опасности, и это радует.

Такие люди, как Джиро-сама, такими вещами не шутят и, уж учитывая специфику его работы, не доверяют сообщениям типа «там было так много крови, он наверняка умер» или «да там никто не смог бы выжить». Таким людям нужны доказательства, и в качестве таких обычно приносят всю голову. Отдельно от тела. Значит, этому сообщению можно верить. Отлично. Нанасэ-онэсан скоро поправится, я так и вовсе жив-здоров, можно вернуться к прежней безмятежной жизни. Хотя... кое-что поменялось. Во-первых, о моих невеликих способностях теперь знают. Ну и что – возразил мне откуда-то изнутри Синдзи-кун, это ж хорошо. Буду популярным, Ая-чан сразу же мне предложит любовь и прочее, да денег должны подкинуть, плюс в Академию магии смогу поступить после школы, а там конкурс ого-го. Деньги, слава, популярность, девчонки... Да погоди ты – подумал я, перебивая разошедшегося Синдзи, погоди. Ты же сам слышал, какие с этим сложности. Мы теперь нужны всем, вернее наши способности, и это еще мы и сами не знаем, в чем они заключаются. Вырастет ли у меня новая голова или нет? А яд, например? Подействует ли на меня яд? Умру ли я от отсутствия кислорода в воздухе? Или, например, от радиации? Может ли моя кровь, если перелить ее другому человеку, помочь ему с регенерацией? Например, вылечить Нанасэ-онэсан?

– Может, – сказал кто-то от дверей.

Я подскочил на месте. На стуле для посетителей (опять – и откуда он взялся) сидел давешний «профессор» и задумчиво ковырялся скальпелем, подправляя ногти на руке.

– Еще как может, – продолжил он свое занятие, не глядя на меня. – Ты регенератор уровня сигма-пять, парень. Ты можешь людей на ноги с того света вытаскивать. Вот только рак ты лечить не можешь.

– Почему? – спросил я заторможенно. Сколько времени он уже сидит тут и почему я его не заметил?

– Потому что рак – это тот случай, когда не нужна регенерация, а скорее наоборот, – сказал он, посмотрел на ногти придирчивым взглядом, подул на них и убрал скальпель. – Рак – это совсем другая история. Это как аутоиммунные заболевания. Какие-нибудь клетки твоего организма вдруг решают, что они тут самые главные, и начинают бесконтрольно расти и размножаться. Тут еще и твоей ткани добавить, и ни к чему хорошему это не приведет. Твоя сила – это регенерация, твоя область – в основном раны, переломы, сотрясения, травматические

ампутации и прочая прелесть. При этом всем ты все же не являешься панацеей и чудесным избавлением, увы... – профессор пожал плечами.

– Почему? – повторил вопрос я. Надо прекращать тупить, это вредно сказывается на моем имидже, подумал я, но мысль была отстраненной и какой-то не моей.

– Да потому что чудодейственные свойства твои ткани оказывают только в непосредственной близости и в течение нескольких секунд. После этого любая жидкость твоего организма становится обычной... жидкостью. Кровь, слюна, лимфа... хотя мы еще не ставили опыт с... иными жидкостями – не было времени. Но в целом это так. То же самое и с другими тканями – отторгнутые, они быстро теряют свои свойства. Твоей подруге повезло – она была рядом с тобой и была забрызгана твоей кровью, что и подстегнуло ее регенерацию. Только поэтому ты еще жив, парень.

– Подруге? Ах, Майко-сан.

– Да. Сабуро вывернул ей суставы из суставных сумок и раздробил кости. В таком состоянии она уже не представляла угрозы для него. Часть твоей крови попала и на него, но твоя подружка быстро сообразила, что к чему. Она довольно... энергичная девушка, да. Давненько я не видел травматической ампутации головы...

– Заметка себе – если мне откроют голову, я труп, – пробормотал я себе под нос.

– А ты забавный парень, – кивнул профессор, – и вот еще – постарайся об этом никому не рассказывать. Я работаю здесь уже лет десять, и мне меньше всего надо, чтобы у этого медицинского центра были неприятности.

– Но зачем вы мне это говорите? – спросил я. Резонный вопрос, этот чудака в белом халате не выглядел альтруистом или добрым самаритянином. Скорее, как вивисектор и доктор Менгеле.

– Да чтобы ты не терял времени, изучая то, что мы уже знаем. Ну и для того, чтобы заслужить твое доверие и впоследствии злоупотребить им для дальнейшего изучения, – не моргнув глазом поведал мне он. Я обалдел. – Понимаешь, легче втереться в доверие, если говорить людям правду, – добавил «профессор». – Ложь утомительна, приходится запоминать, что ты сказал и кому, создавать целые альтернативные вселенные из-за одной маленькой лжи. Не хочешь кушать суп мисо? Сказал, что уже поел, и поэтому отказываешься от супа, чтобы не обидеть хозяев? Но у тебя спросят: а где ты поел? Когда? Что именно ты ел? В какой последовательности? Кто был рядом? Было вкусно? Столько вопросов возникнет. И вот ты уже запутался в паутине лжи, и тебя вот-вот изобличат. Например, вот ты... – узловатый палец ткнул в мою сторону, – хочешь увидеть эту свою подружку без трусов.

– Что?! Да я никогда, что вы... – залепетал во мне Синдзи-кун, но я волевым усилием подавил эти возражения. В конце концов глупо отрицать очевидное.

– Конечно же хочу, – сказал я, поддерживая эту странную игру, – тело у нее ух! Огонь. А вот интересно, она ж метаморф, у нее только одна форма для превращения имеется, или она может и в другие перекидываться?

– Довольно неожиданно, – признал «профессор», окинув меня изучающим взглядом, – обычно школьники отрицают такие мысли. Я рассчитывал поймать тебя на лицемерии и использовать твоё смущение в качестве наглядного урока.

– Вы же сами только что сказали, что лучшей политикой является честность, – заметил я в ответ.

– Да, говорил. И, кстати, форма у нее не одна, она может с легкостью задавать себе различные формы – в определенных пределах, конечно, извращенец ты эдакий, хах.

– Ого. А я и не подумал. Так что же, в реальности она может быть маленькой, кривоногой и плоской?

У «профессора» неожиданно задергался глаз. Я посмотрел на «профессора» внимательней. Ага.

– Ну, или она на самом деле – жаба. Такая зеленая и гадкая жаба. Но перекинулась в фигуристую и сексуальную Майко-сан, чтобы соблазнять невинных и непорочных юношей, а потом травмировать их психику... – протянул я, прикладывая палец к подбородку. – Это объясняет ее поведение...

– Ах ты извращенец малолетний!! – лицо профессора словно бы треснуло пополам, и откуда-то изнутри, небрежно, словно сбрасывая змеиную кожу, появилась Майко-сан. Ее лицо пылало гневом, а ноздри раздувались. А вот и знаменитый метаморфизм – подумал я, так она может и других людей имитировать... ой! Мне по затылку прилетело больничным тапком. Больно.

– Вот так тебе! – торжествующе воскликнула Майко-сан, окончательно превращаясь в самое себя и повторно замахиваясь на меня тапком. – Будешь еще мне тут умничать?!

– Майко-сан! Прекратите бить меня тапком!

– Тебе еще мало, гад такой! У меня, между прочим, отличная фигура и замечательная личная жизнь, понял?!

– Да, да, конечно, Майко-сан! Только не по голове! Я ж больной!

– Ты на голову больной!

– Именно! А вы меня туда тапком!

– Ррр... ты выводишь меня из себя, Синдзи-кун, ты ничего не понимаешь в женщинах и их формах! Малолетний экстремист!

– Это-то откуда? – удивился я.

– Оттуда, – буркнула Майко-сан и опустила тапок. – Это... в общем спасибо тебе, Синдзи-кун.

– Да за что? – я зажмурился в ожидании удара тапком. Удара не последовало. Что-то влажное и мягкое коснулось моей щеки. Я открыл глаза. Майко-сан уже улыбалась.

– Это тебе за то, что спас мою жизнь. Ты мой герой, пусть и извращенец малолетний.

– Да что за...

– И не смей отрицать, я видела, как ты на меня пялишься! – Майко подняла вверх указательный палец. – Я в вас, парнях, разбираюсь. У меня опыт есть, хах!

– Конечно, я пялился! Ты очень привлекательна, кроме того, довольно вызывающе одета, – сказал я.

Майко поперхнулась и внимательно посмотрела на меня. И я ее понимал. Здесь не принято открыто признавать свой интерес к противоположному полу, неприлично. Compliments здесь довольно редки, нет, конечно, сказать: «Вы такой хороший работник» или «Как у вас хорошо получается содержать лавку и помогать своему деду» – запросто. А вот что-то вроде «Вы сегодня великолепно выглядите» или «Вы просто сводите меня с ума в этой мини-юбке» – уже зашквар и попираение моральных устоев общества. Но меня, честно говоря, уже задрало искать верные способы и пути выразить себя, не сломав по дороге кому-нибудь психику и не выставив себя малолетним извращенцем. Черт с ним, пусть так и считают. Тем более что недалеко от истины.

– Это... звучит очень интересно, Синдзи-кун, хах, – заметила Майко, внезапно успокоившись. И улыбнулась.

У меня мурашки по коже пошли от этой улыбки. Ничего хорошего на мой взгляд эта улыбка не предвещала. Наверняка я где-то и что-то не так сделал, и теперь эта мускулистая красотка девушка-Халк оторвет мне голову. И поиграет ей в футбол.

– Впрочем, хватит шуток. Этот профессор и его сестры скоро поймут, что я сбежала из палаты, и начнется. Я заскочила сказать тебе спасибо. – Майко-сан опять стала преображаться в профессора Винтера.

Зрелище было... немного неудобным и завораживающим, словно бы ее черты лица поплыли, как на акварельном рисунке, на который плеснули водой. Секунда-другая, и вот передо мной уже снова седой жилистый профессор с сумасшедшинкой в глазах.

– Так что спасибо тебе, Синдзи-кун, еще раз. И ты это... заходи, если что, – сказал «профессор» уже хриплым мужским голосом, – выздоравливай.

И Майко в облике профессора вышла за дверь. Я посмотрел ей вслед. Интересно, подумал я, вот на ней белый халат, очки, стетоскоп и бейджик на груди, а ведь когда она превращается обратно в Майко, на ней привычные шортики и топик.

Значит, это и не одежда вовсе, а просто она преобразует часть своего тела, как будто это одежда. Или аксессуар. А если она скопирует королевского гвардейца – будет ли у нее винтовка? Будет ли эта винтовка стрелять? А сабля – выниматься из ножен? И самое главное – означает ли это, что она практически всегда ходит без одежды? В смысле – без настоящей одежды, а только «одетая» в свое тело, которым изображает одежду. То есть в нашей с Нанасэ квартире она стояла у плиты фактически одетая только в фартук?

Гм... вот и сбылась мечта любого японского школьника – красивая девушка с монументальными и скульптурными формами готовит ему еду, одетая только в кухонный фартук с забавными утятами. Почему-то этот факт доставлял моему внутреннему Синдзи-куну гораздо больше радости, чем тот факт, что Майко в принципе всегда ходит так. Голая. А после этого я – малолетний извращенец. Пф.

А кстати, еще один нюанс – она, когда преобразуется, очень убедительна в своей роли. Это у нее такая особенность ее таланта, или она просто хорошая актриса? Если бы сюда вошел «профессор» с замашками и поведением Майко-сан, я бы сразу заметил, а тут... пока речь о ней самой не пошла, я и не догадывался. Так и запишем в свои заметки – любой человек вокруг может быть Майко. Тут я аж вздрогнул немного. Как оперативный агент – такой Майко просто цены нет. Она же, как Мистик из людей Икс, только Мистик, насколько я помню, не была сверхсильной. А эта еще и сильная. Или это тоже часть ее дара – преображаясь в кого-то, она перенимает его способности? Ну, тогда это была бы и вовсе литерная способность, а Майко была бы Козырь по системе классификации паракхуманов из «Червя». Она могла бы, например, превратиться в водяного ушлепка и скопировать его способности, нет? Нет, я слишком мало знаю о ее способностях и ограничениях и вообще об этом мире и его законах. Теперь, когда Нанасэ-онэсан в безопасности, у меня будет время подумать над этим всем. Когда-нибудь. Это был довольно хлопотливый день, и я вдруг почувствовал, что у меня слипаются глаза. Да, как говаривала Скарлетт О'Хара, я подумаю об этом завтра.

Глава 9

Сатоми-сан увлеченно пишет что-то на доске, азартно стуча мелом и откидывая назад волосы, лезущие на глаза. Класс безмолвствует, ожидая, когда у Сатоми-сан пройдет очередной приступ энтузиазма.

– ...и именно вот так! – Последний удар кусочка мела о доску, и мелок крошится в ее пальцах. Нимало не обескураженная этим событием, Сатоми-сан поворачивается к нам и протирает пальцы тряпкой, убирая меловую пыль.

– Это все будет на контрольной работе в пятницу. Если вы думаете, что это сложно, то вы еще не видели, как изучают этот период японской истории в Тодай! – Сатоми-сан закончила Тодай – Токийский университет, и она не дает окружающим об этом забыть. Тодай очень престижен, конкурс туда невероятно высок, вступительные экзамены в Тодай – филиал учебного ада, в течение всего периода обучения все конкурируют со всеми, еще бы только лучшие из лучших, сливки из элит и верхушка пирамиды, только такие, как Сатоми-сан, могут там учиться. Немудрено, что после обучения выпускники гордятся дипломом своей альма-матер и обучением там, как ветераны своими медалями и орденами – это все заработано потом и кровью.

Я сижу на своей парте, так же, как и все, делаю вид, что внимательно слушаю Сатоми-сан, а мысли мои витают в воздухе. Третий день как я хожу в школу, Нанасэ-онэсан выпишут из больницы уже послезавтра с вердиктом «полностью здорова», у нас в квартире стараниями Джиро-сана провели ремонт, а еще купили новую технику. Очень хорошую технику. Плитку, микроволновку, телевизор, ах да, еще поставили стиральную машинку, и теперь можно стирать дома, а не бегать вниз, к платным стиралкам. Поставили еще телефон, хмурые люди из телефонной компании ворчали, что им пришлось отбирать пару у кого-то на районе, но Джиро-сама сказал – значит, надо сделать. Да, у нас с Нанасэ теперь дома есть телефон! Да что там телефон, в углу комнаты я обнаружил персональный компьютер с роутером через телефонную линию, а перед телевизором – игровую приставку. Единственная моя претензия к неизвестным работникам семьи Кодзима была в том, что мои, а вернее, Синдзи-куна журнальчики с легкомысленными красотками неглиже пропали. Помыслить, что их присвоили охотье до обнаженки якудза я не мог, а потому пришел к выводу, что они пошли для ремонтников по категории «мусор». Тем более были уже довольно старыми и потрепанными. Для Синдзи-куна эти журналы были дороги по... сентиментальным соображениям.

Правда, он уже запомнил всех девушек из журнала, особенно с разворота страницы семнадцать и двадцать два. Кстати, помимо ремонта, в прозрачной стеклянной чаше, расписанной цветами сакуры, обнаружилась солидная пачка наличных. Купюры по десять тысяч иен. Самые крупные купюры. Умножаем сто на десять тысяч, получаем миллион. Миллион иен. Довольно солидно для Японии. Нет, автомобиль на эти деньги не купишь, а квартиру в Токио тем более, но в остальном – очень прилично. Десять зарплат Нанасэ-онэсан, почти годовое жалованье. Кроме того, в подборке игр для приставки обнаружилась одна эротическая игра, помеченная значком «восемнадцать плюс», и записка. В записке было написано: «моему дорогому будущему супругу», поэтому гадать, от кого – не пришлось. В записке Майко-сан сетовала на занятость, уверяла, что скоро найдет время встретиться, и выражала надежду, что сей скромный дар позволит ее будущему супругу воздержаться от походов по другим женщинам, хотя бы на некоторое время. Вместо подписи стояла забавная мордашка. Некоторое время я ходил озираясь, подозревая Майко-сан в каждом встречном прохожем, но потом меня отпустило. Я, так сказать, принял ситуацию. Сделать с этим я все равно ничего не мог, Майко могла быть где угодно и кем угодно, с этим можно было только смириться. Третий день домой меня провожала молчаливая Ая-чан. Разговаривать со мной отказывалась, только фыркала и отворачивалась.

Но провожала. Силен все-таки авторитет Юки-чан в этих кругах, как скажет, так ничего не поделаешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.